

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 110, ноябрь 2023

КРИЗИС ПОРЯДКА И ВОЙНЫ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

«Реакционный терроризм» и «террористический осколок средневосточной буржуазии» – посредством этих инструментов мы рассматривали кризис 11 сентября 2001 года – нападение на башни-близнецы в Нью-Йорке; этот анализ способствовал интернационалистскому сражению в последующих за этим кризисом войнах в Афганистане и регионе Персидского залива.

В 2015 году, после парижских терактов, кульминацией которых через несколько месяцев стала бойня в Батаклане, в книге «Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм» мы собрали тексты Арриго Черветто по «марксистской теории насилия» и некоторые статьи, ставшие вехами в анализе национального вопроса и средневосточных кризисов. Обратимся к трём из изложенных там концепций.

Во-первых, «реакционный терроризм». Это научная оценка была навеяна противостоянием Маркса и Энгельса «реакционному панславизму», инструменту царской реакции, а также тезисами Ленина о балканских войнах. Как и в славянском регионе, крах «отдельных процессов национального объединения» или «неспособность отдельных национальностей иметь критическую массу для создания независимого государства» оставили на Среднем Востоке блуждающие «осколки террористического насилия и идеологического миф», которые могут быть использованы другими региональными государствами и империалистическими державами. Потерпев неудачу в попытках панарабского объединения, паладином которого стал Египет Гамаль Абдель Насера, нефтяные государства Персидского залива, где рента «воспроизводит остальные политические формы», сыграли в отношении панисламского радикализма роль, сходную с той, которую сыграла Россия, используя панисламский радикализм. Это сочеталось с борьбой крупных держав в регионе, где «ставкой был раздел региона, а позднее – препятствование (посредством игры баланса сил) его объединению под властью единственного регионального гегемона»¹. В соперничестве между «развращёнными нефтью» отрядами буржуазии также использовались соответствующие террористические течения, и, более того, терроризм часто представлял собой непреднамеренный результат игры держав. «Аль-Каида» возникла как террористический осколок партизанской войны *муджахеддинов*, которую американцы и саудовцы развернули в Афганистане в 1980-х годах против СССР; здесь же лежат истоки режима «Талибана»; ИГИЛ возникло в результате дезинтеграции Ирака после войны 2003 года.

Во-вторых, интернационалистический классовый принцип и национальный вопрос. В XIX веке буржуазного утверждения Маркс и Энгельс поддерживали бур-

жуазно-демократические революции в Европе и рождение крупных государств, поскольку это ускоряло развитие производительных сил, а вместе с ними и концентрацию пролетариата. В XX веке империализма Ленин использовал национальный вопрос в славянском регионе и Азии в тех случаях, когда это способствовало международной стратегии коммунистической революции. В период после второй мировой войны цикл демократических революций и возникновение новых государств в результате антиколониальной борьбы после завершения этого процесса и освобождения молодых отрядов буржуазии от западного господства с 1960-х годов возвели противостояние буржуазии и пролетариата в качестве стратегического приоритета. Именно перед лицом войны шести дней 1967 года, противостоя как произраильскому интервенционизму, так и «левому интервенционизму на стороне арабской буржуазии»², мы утверждали тот классовый интернационалистский принцип, который является нашим компасом даже в тех кризисах и войнах, в которых так или иначе улавливается некий нерешённый национальный вопрос. В Израиле существовали «буржуазия и пролетариат», в Египте и в арабских странах также присутствовали «буржуазия и пролетариат». У арабских и израильских рабочих не было противоречия в интересах, их объединяла «общая судьба» – быть эксплуатируемыми своими отрядами буржуазии, которые, в свою очередь, были связаны «тесной сетью капиталов, инвестированных на Среднем Востоке»³ империалистическими центрами.

В положении палестинцев, писал Черветто в 1985 году, находятся «десятки национальностей в десятках государств»⁴: примером могут служить армянское или курдское население. «Национальный повод» используется в борьбе между государствами и между империалистическими державами: «Это не означает, что проблемы территориального урегулирования для палестинцев не существуют. Это значит, что только после выполнения своей фундаментальной задачи пролетариат сможет решить эту проблему с интернационалистических позиций, как она исторически и была поставлена. Конечно, эта проблема может быть решена и с националистических позиций, но только в рамках межимпериалистической конкуренции». То есть единственный путь против любого угнетения – это интернационалистская стратегия «превращения средневосточных войн в пролетарскую революцию»⁵.

В-третьих, новая стратегическая фаза и Средний Восток. Средневосточная буржуазия, заключала мы в 2015 году, «в течение многих десятилетий» мучалась «над стабилизацией своих национальных институтов и безрезультатно» искала «путь к региональному объединению».

В новых условиях мирового противостояния, характеризующихся борьбой между крупными державами континентального масштаба, для государств региона «новый континентальный уровень государственной власти» является тем более «недостижимым». С другой стороны, ослабление влияния США, конечно, делало участником игры Европу, погрязшую в дилеммах своей политической централизации, но прежде всего оно позволяло увидеть «многократно выросший вес Китая и Индии». Мало того, что «все противоречия на Среднем Востоке» сохраняются, они станут «ещё менее разрешимыми в новых условиях противостояния между континентальными державами, характеризующегося непредсказуемыми колебаниями баланса сил, вызванными вступлением в игру азиатских гигантов». Этот регион «будет порождать и экспортировать насилие». «Коммунистический интернационализм»

никогда не был смутным пацифистским стремлением в бессилии добрых чувств: как никогда ранее, он становится «практической необходимостью»⁶.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

1 – Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2018. С. 9.

2 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 252 (перевод исправлен).

3 – Там же. Т. 2. С. 248 (перевод исправлен).

4 – Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2018. С. 136.

5 – Там же. С. 135.

6 – Там же. С. 220 (перевод исправлен).

Содержание

КРИЗИС ПОРЯДКА И ВОЙНЫ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ	стр. 1
Кризис порядка и война в Газе	стр. 2
МВФ против фрагментации	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Франция и Германия за многоскоростную Европу	стр. 4
<i>Российские хроники</i>	
Стратегический цугцванг и страхи Кремля	стр. 5
<i>Крупные группы российского империализма</i>	
Восхождение “НОВАТЭК”	стр. 6
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
“Великое противостояние” Цзинь Цаньжуна	стр. 7
<i>Рецензии</i>	
Немецкая теория мирового порядка	стр. 8
<i>Издательская новинка</i>	
Капиталистическая неопределённость	стр. 9
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Итоги катастрофы	стр. 10
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Бонапартистский социализм	стр. 11
Стратегическое банкротство арабского и израильского национализмов	стр. 12-13
<i>Крупные группы Европы в 2022 году</i>	
Протекционистские искушения перед лицом крупных китайских и американских групп	стр. 14-15
Террор за террор	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Парижский наблюдательный пункт

Французский кризис в европейской реструктуризации	стр. I
Конкурирующие промышленные политики	стр. II
Политическая нестабильность и изменения правого фланга	стр. III
Страх упадка во Франции	стр. IV

Кризис порядка и война в Газе

(начало на стр. 1)

Кризис порядка бушует, напряжение нарастает, очаги конфликта вновь разгораются. Террористическое вторжение ХАМАС на юг Израиля и реакция израильских вооружённых сил в секторе Газа спровоцировали конфликт, который в случае вовлечения в войну в Газе шиитских боевиков «Хезболлы» на северной границе Израиля с Ливаном и Ирана, являющегося покровителем как этой военизированной организации, так и ХАМАС, способен приобрести региональный масштаб. Те вехи, которые были зафиксированы менее десяти лет назад в книге «Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм», требуют дополнения и обновления.

Во-первых, отметим, что спустя 50 лет вслед за шестидневной войной 1973 года и нынешняя война в Газе подтверждает тупиковость принципа национальности в эпоху империализма и региональных противоречий на Среднем Востоке. Принцип национальности в отношении палестинского населения сегодня то используется, то цинично отбрасывается всеми конкурирующими средневосточными государствами, а также крупными империалистическими державами. Это касается в том числе использования различных террористических осколков, в которых этот принцип деградировал до фанатичных и реакционных вариантов панисламизма. По большому счёту, израильская буржуазия сама приложила руку к утверждению ХАМАС, поддержав укоренение этого движения в Газе с целью раскола палестинского фронта и противостояния Организации освобождения Палестины (ООП) Ясира Арафата, а затем Палестинской национальной администрации (ПНА). В этом смысле наряду с несостоятельностью арабских отрядов буржуазии имеет место и стратегическое банкротство израильской буржуазии, которая полагала, что сможет манипулировать трансформацией арабо-палестинского национализма в исламистский радикализм.

Во-вторых, подтверждая наш классовый интернационалистский принцип – есть израильская буржуазия и пролетариат, есть арабская буржуазия и пролетариат, – кризис также выявил непризнанную реальность азиатской иммиграции в кибуцы. Несколько тысяч тайских рабочих, несколько десятков жертв вторжения ХАМАС: социальная подвижность в Израиле сближается с той, что имеет место по всему Среднему Востоку и, в частности, в монархиях Персидского залива, где иммигрантский пролетариат исчисляется миллионами; только коммунистический интернационализм может дать стратегическую перспективу единству всех этих отрядов нашего класса, когда десятилетиями национальные и религиозные мифы разделяли их и посылали на убой.

В-третьих, именно кризис порядка, трещина в отношениях между державами в глобальном масштабе с атлантическим упадком и вторжением Китая, будоражит старые разломы и освежает эндемические региональные кризисы. В этом смысле есть связь между войной на Украине, кризисом в Нагорном Карабахе, где при молчании канцелярий 100 тыс. армян стали жертвами этнической чистки, и теперь войной в Газе. Глобальные и региональные отношения между державами меняются; американский упадок и восхождение

Китая расширяют пространство для манёвра средних держав; кризисные точки возрождаются, а балансы переопределяются с корректировками, которые, по мнению Тома Гомара из IFRI, будут «брутальными».

Сюзанна Мэлони, вице-президент Бруклинского института и директор его внешнеполитической программы, в своём эссе для журнала *Foreign Affairs* рассматривает войну в Газе как «конец американской exit strategy на Среднем Востоке». По её мнению, Джо Байден пытался установить новый баланс сил в регионе, который позволил бы Вашингтону сократить его участие, «удостоверившись, что Пекин не заполнит образовавшийся вакуум». Практически достигнутое историческое соглашение о нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией обещало объединить двух основных региональных партнёров США против общего иранского противника и «вывести саудовцев за периметр стратегической орбиты Китая». Одновременно с этими усилиями Байден также пытался ослабить напряжённость в отношениях с Ираном: он пытался реанимировать ядерные соглашения по иранской ядерной программе, денонсированные Дональдом Трампом, но потерпел неудачу; в качестве запасного варианта он выбрал тактику прагматичных сделок и неформальных договорённостей.

Если бы распространение Соглашений Авраама на Саудовскую Аравию было успешным, то «новое взаимодействие двух крупнейших игроков региона могло бы оказать поистине преобразующее воздействие на безопасность и экономическую обстановку на Среднем Востоке в целом». Именно поэтому, по мнению Мэлони, эта попытка провалилась. Байден совершенно неправильно понял заинтересованность Тегерана в умиротворении: «У иранских лидеров были все стимулы, чтобы попытаться заблокировать израильско-саудовский прорыв, особенно такой, который распространил бы американские гарантии безопасности на Эр-Рияд и позволил бы саудовцам развивать гражданскую ядерную энергетическую программу».

Израиль раздирают споры о поразительной ошибке, в результате которой граница с сектором Газа осталась незащищённой, но это прямое следствие линии, проводимой правительством Тель-Авива в отношении ХАМАС: «Полный провал системы со стороны Израиля», – считает бывший посол США Мартин Индик. Второе заблуждение, по разным версиям, является американским и касается Соглашений Авраама, инициативы, предпринятой Трампом и продолженной Байденом. Утверждается, что эта политика провалилась, поскольку перспектива заключения соглашений между Израилем и арабскими державами, которые откладывают в сторону, оставляя нерешённым палестинский вопрос, была иллюзорной. Так, например, тезис Пекина, который делает его стержнем своей инициативы в регионе. Говорят также, и это тезис Мэлони, что неудача касается Тегерана, который отреагировал на угрозу взаимопонимания между США, Израилем и Саудовской Аравией. Можно совместить две версии: палестинский вопрос оставляет место для ХАМАС, а иранская реакция вклинивается в эту линию разлома. Именно за этот национальный повод ухватился режим аятолл через своих прокси-акторов.

Заметим, однако, что если целью американцев было сдерживание Эр-Рияда путём противодействия китайско-

му влиянию, то это позволяет уйти от сугубо субъективистского прочтения «ошибок». Если катастрофический изъяс, продемонстрированный Израилем, несомненен, то американский поступок всё же имеет объяснение в его региональной политике в отношении Китая. Если это и ошибка, то ошибка детерминированная, борьба в битве за влияние с Пекином, которая неизбежно продолжится. Отметим также, что американская инициатива в отношении саудитов имеет под собой тот же знак, что и война, развязанная двадцать лет назад в Ираке: вчера – для предотвращения, сегодня – для противодействия китайскому восхождению в регионе Персидского залива.

Борьба за влияние между Вашингтоном и Пекином подтверждает, что именно кризис порядка является той глубинной причиной, которая вновь разжигает скрытые конфликты. Как демонстрируют другие области противостояния – вспомним американское сопротивление изменению права голоса в МВФ в соответствии с весом Китая, – Вашингтон хотел бы показать, что старый западный порядок всё ещё функционирует, но не только в Пекине сомневаются в том, что его предложений и сил достаточно. Контраргумент состоит в том, что без Китая невозможен никакой новый порядок или реформированный порядок. С другой стороны, обретение Пекином роли пропорциональной его весу стало ещё более серьёзным тектоническим сдвигом: без Китая не может быть нового порядка, но Пекин обладает таким весом, что его признание повлекло бы за собой стратегическое ограничение сил атлантического старого порядка, что вряд ли бы прошло мирно. Именно в этом плане кризис порядка позволяет предвидеть его слом на горизонте.

В разгар войны в Газе этот вопрос необычайно активно обсуждается как в Вашингтоне, так и в Пекине. Соединённые Штаты и Европейский союз призывают Израиль к сдержанности, пишет *Global Times*, но «реальность, которую необходимо признать, заключается в том, что в настоящее время на международном уровне нет такой силы, которая могла бы эффективно содействовать прекращению огня и окончанию войны; для этого необходимы совместные усилия всех стран и крупных держав, обладающих наибольшим влиянием».

Американское лидерство, – как бы отвечает Байден из Белого дома, – «это то, что объединяет мир». Они повторяют, отмечает *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, тезис Мадлен Олбрайт о США как «незаменимой нации». Это тезис американской исключительности.

Стивен Эрлангер в *New York Times* противопоставляет миссии Байдена в Израиль и Владимира Путина в Пекин. Эти две поездки продемонстрировали, насколько сильно изменился глобальный стратегический ландшафт в результате войны на Украине и как эти изменения отразились на войне в Газе. Россия, Китай и Иран уже формировали «новую ось» по вопросу Украины, «их объединяет общий идеологический интерес – они обличают Соединённые Штаты и бросают им вызов во имя реформирования существующего международного порядка, в котором Запад доминирует со времён Второй мировой войны». Война свидетельствует о растущих разногласиях между Западом, с одной стороны, и Китаем и Россией – с другой, которые касаются не только конфликта, но и «противоречивых взглядов на правила, лежащие в основе

глобальных отношений, и на то, кто может их определить».

Следует отметить прямой ответ *Global Times* нью-йоркской газете. В нём предельно ясно изложена китайская линия, призывающая к реформированию порядка, но не исключая, что и Вашингтон, и Пекин, а также и ЕС могут найти точки соприкосновения: «История достигла поворотного момента в трансформации порядка, сложившегося после Второй мировой войны, и этот период будет отмечен турбулентностью. Старые конфликты будут возобновляться в разных формах. США видят в Китае главного претендента на их стратегические интересы, демонстрируя высокомерие и невежество Вашингтона в отношении более широкой и долгосрочной геополитической картины мира. Можно ли сохранить этот порядок, подавив Китай, сдерживая и обуздывая его?»

Один из вариантов – упорно поддерживать существующий порядок традиционными стратегическими средствами. Другой вариант – адаптировать существующий порядок к большей открытости, способствовать общению и сотрудничеству между основными мировыми и региональными державами, между странами Юга и Севера, между новыми и бывшими великими державами, выстраивая новый порядок. Как отреагируют на эти изменения США и Запад? Готовы ли они уступить власть и достаточно ли подготовлены к такому переходу власти?»

Безусловно, налицо признаки фактического сближения США и ЕС, с одной стороны, и Китая – с другой, причём первые стремятся сдерживать Израиль, а Китай – участвовать в диалоге с Ираном. Вашингтон открыто попросил Пекин вмешаться в ситуацию с Тегераном, и Пекин согласился. Однако не только противостояние вокруг войны в Газе решит вопрос, поставленный *Global Times*. По мнению Эмиля Хокайема из Международного института стратегических исследований (IISS) в Лондоне, сообщает *Financial Times*, этот кризис, вероятно, является крупнейшим дипломатическим вызовом для Вашингтона с 1990 года, когда США «потребовалось собрать коалицию против Саддама Хусейна». Однако тогда это был «рассвет» американской державы в регионе, а сегодня, «кажется, её сумерки».

По мнению *Financial Times*, несмотря на вторжение Китая и России, США остаются «единственной державой, обладающей дипломатической и военной мощью, чтобы попытаться сдержать такой кризис». По мнению Джона Альтермана из Центра стратегических и международных исследований (CSIS), можно сказать, что в относительном выражении США уже не те, что были «10, 15 или 20 лет назад». Но «нет ни одной державы или коалиции держав, которая приблизилась бы к тому, что они могут сделать в военном, дипломатическом или даже разведывательном отношении».

Вашингтон разместил в Средиземном море и Персидском заливе два авианосца, используя тем самым средства ядерного сдерживания, как это было во время шестидневной войны 1973 года. Пекин, направивший две военно-морские эскадры в Кувейт и Аденский залив, планирует к 2035 году иметь шесть авианосцев – половину американского флота. Битвы кризиса порядка только начинаются.

МВФ против фрагментации

Уже несколько лет лозунгом МВФ является борьба с «геоэкономической фрагментацией», и в этом его поддерживают Всемирный банк, ВТО и ЕЦБ. Геоэкономическая фрагментация – это реакция на тридцать лет интеграции рынков. Одно из определений МВФ указывает на геоэкономическую фрагментацию как на «политически направленный разворот глобальной экономической интеграции, часто обусловленный стратегическими соображениями», такими как национальная безопасность, геополитическое соперничество или желание стимулировать внутреннюю экономику.

Кампания МВФ призвана, с одной стороны, подчеркнуть последствия замедления глобализации и идеологического кризиса либерализма, а с другой – осудить превращение торговой и промышленной политики в оружие экономической войны и отказ от многосторонности в международных отношениях. Первым адресатом этой критики является Вашингтон с его попытками воспрепятствовать посредством торговых барьеров и запретов иностранным инвестициям и экспорту передовых технологий в восходящий Китай и сближению обширной группы «развивающихся» стран в рамках Нового Шёлкового пути.

Барьеры и блоки

Кампания МВФ интенсифицировалась, когда линия Белого дома вышла за пределы спора с Пекином по поводу этих барьеров и начала приводить к созданию противоборствующих блоков: эта линия ставит под угрозу саму роль и функциональность картельных органов унитарного империализма, среди которых МВФ является центральным столпом. Раздел мира, предложенный в 2022 году министром финансов Джанет Йеллен, между «дружественными странами» («friendshoring») и другими, чтобы провести границу в стратегических обменах, похоже, был вдохновлён предупредительными выборочными протекционизмом. Однако в его генах заложена метаморфоза, подходящая для возникновения дуализма друг/враг и знаменующая переход от кризиса порядка к разрушению порядка.

Директор МВФ Кристалина Георгиева в статье в *Foreign Affairs* от сентября – октября сетует на «тревожное отсутствие чувства срочности» перед лицом «волны фрагментации», которая предвещает дальнейшее снижение темпов глобального роста – а уже сейчас он находится на самом низком уровне «за последние три десятилетия». По её оценкам, торговые барьеры в долгосрочной перспективе могут сократить ВВП на 7 %, в то время как более широкое распространение протекционизма и технологического декаплинга приведёт к сокращению ВВП некоторых стран на 12 %. Мир рискует столкнуться с «дальнейшим распадом на конкурирующие экономические блоки».

Это неудивительно для марксистов. Подтверждается динамика империализма: глобальная экспансия промышленных и финансовых гигантов с масштабными инвестициями, приобретениями и неустойчивыми соглашениями; картели и коалиции в рамках сотрудничества или конкуренции, направленные на «справедливый» раздел глобальных рынков и ресурсов; военное насилие государств, применяемое, когда изменения нарушают баланс существующих отношений, а политика компромиссов заходит в тупик.

Всё это превосходно резюмировал Мартин Вулф в одном из октябрьских номеров *Financial Times*: «Мы живём в эпоху великих вызовов и явной неспособности противостоять им. И оставшееся время становится всё короче».

Издержки фрагментации

В мае 2023 года МВФ организовал конференцию, посвящённую теме геоэкономической фрагментации. Centre for Economic Policy Research (CEPR), важный европейский центр по изучению экономического развития, базирующийся в Лондоне, но после брексита объявивший о своём предстоящем переезде в Париж, опубликовал около 15 материалов на эту тему. Целью конференции был анализ экономических аспектов и издержек фрагментации. Представители МВФ поддерживают два общих политических тезиса: геополитическое соперничество подрывает и разрушает отношения, построенные в годы глобализации и многосторонности; коалиции, образовавшиеся в ООН во время голосования по поводу российского вторжения на Украину, являются прообразом противоборствующих блоков грядущего империалистического конфликта и используются статистиками МВФ для измерения экономических издержек.

Расчёты ожидаемых потерь основаны на сводных данных, представленных Георгиевой, и базируются на математических моделях, которые, правда, содержат большую степень неопределённости; главный экономист МВФ Пьер-Оливье Гуриша признал, что эти количественные прогнозы являются лишь первыми попытками. По оценкам, общие потери, вызванные френдшорингом, составят 4,6 % ВВП, особенно это затронет страны, которые имеют большую взаимозависимость с обоими блоками – американским и китайским. В сценарии резкого декаплинга благосостояние населения упадёт на 15 % и более в некоторых регионах (особенно в Индии и странах восточного блока) из-за падения производительности труда и распада ранее существовавших торговых и технологических связей.

Некоторые публикации интересны тем, что исследуют финансовые тенденции, скрытые за ширмой геоэкономической фрагментации, другие – в силу того, что они содержат превентивный подсчёт ущерба, который явно служит сдерживающим предупреждением, подчёркивающим противоречивый характер процесса и его наименее предсказуемые проявления.

Финансовая фрагментация

Шекхар Айяр, глава отдела многостороннего надзора МВФ, перечисляет подводные камни международной валютной системы.

Во-первых, запрет на использование платёжной системы SWIFT российскими банками после вторжения РФ на Украину ставит перед другими странами вопросы о надёжности SWIFT и необходимости создания параллельных систем для транзакций. Во-вторых, цифровизация валют, которая могла бы облегчить валютный обмен в нормальных условиях, в условиях фрагментации может поставить под угрозу системы регулирования и надзора. В-третьих, роль доллара в финансовых санкциях подталкивает к ограничению использования валюты США и номинированию некоторых сделок в других валютах. В-четвёртых, существует риск замены финансовой глоба-

лизации финансовой регионализацией, что ослабит международное распределение рисков и станет источником более серьёзных кризисов.

Наконец, геоэкономическая фрагментация может изменить спрос и предложение ресурсов глобальной системы финансовой безопасности, то есть валютных резервов, в том числе ресурсов МВФ и других антикризисных механизмов, которые за последние 25 лет увеличились в восемь раз и спрос на которые из-за фрагментации будет даже возрастать. Разрешение кризисов усложнится ещё и потому, что за последнюю четверть века глубоко изменился состав международных кредиторов, особенно правительственных: доля кредитов членом Парижского клуба странам с низкими доходами сократилась с 39 до 12 %, в то время как доля государств, не входящих в Парижский клуб, в основном Китая, увеличилась с 8 до 22 %, и последние продемонстрировали, что у них есть возможность влиять на переговоры о реструктуризации долга.

Вдумчивая полемика

Критику чрезмерной драматизации геоэкономической фрагментации возглавил Брэд Сетсер, бывший высокопоставленный чиновник Министерства финансов США, член CFR и исследователь международных потоков капитала. Он подверг сомнению тезис заместителя директора департамента денежно-кредитных систем и рынков капитала МВФ Марио Каталана, который выдвинул гипотезу о том, что растущая геополитическая напряжённость приведёт к мощным последствиям в виде финансовой фрагментации через трансграничное перераспределение капитала. В поддержку этого тезиса Каталан вспомнил драму движения капитала, поразившую страны, которые в марте 2022 года в ООН отвергли осуждение российского вторжения на Украину. В этих государствах трансграничные банковские потоки упали на 20 % по сравнению с довоенным уровнем. Потери России от санкций составили 70 %. Сетсер возражает на это, что на основе панических действий во время финансового шока нельзя делать никаких обобщений. Банки США также ограничили кредитование американского бизнеса, когда Трамп начал тарифную войну против Китая.

Сетсер, по сути, оспаривает тезис о существовании почти автоматического соответствия между геополитической и финансовой фрагментацией. Стоит отметить один из его аргументов: Россия, Китай и страны Персидского залива имеют профицит торгового баланса, тогда как страны Западного блока в целом – дефицит. Это неверно: Германия, Япония, Корея – страны с большим профицитом. Но это не отменяет наблюдения Сетсера, который утверждает, что «глобальный платёжный баланс требует крупных и исторически беспрецедентных финансовых потоков между геополитическими блоками». Эти потоки, в отличие от известных потоков, связанных с официальными покупками казначейских ценных бумаг, не фигурируют в двустороннем учёте стран. «Профициты Китая и России просто слишком велики, чтобы не способствовать частичному финансированию США и Великобритании». С другой стороны, утверждает Сетсер, сила доллара свидетельствует о наличии потоков между державами-соперниками. Возможно, «спокой-

ный американец» хотел напомнить, что пути капитала неисповедимы.

Амбивалентная торговая война

Выступление Кэролайн Фройнд, декана и профессора экономической политики в Школе глобальной политики и стратегии Калифорнийского университета в Сан-Диего и бывшего главного экономиста Всемирного банка по Ближнему Востоку и Северной Африке, вызывает интерес уже своим своим названием – «US-China decoupling: Rhetoric and reality». Её тезисы можно резюмировать в пяти пунктах.

Первый. Доля Китая в импорте США начала снижаться ещё в 2018 году; с тех пор по 2022 год она упала с 21,6 до 16,3 %, потеряв более 5 процентных пунктов. В секторе высокотехнологичной продукции падение было ещё более драматичным: с 36,8 % в 2017 году до 23,1 % (-13 процентных пунктов).

Второй. Снижение доли Китая произошло за счёт товаров, на импорт которых повлияло повышение тарифов Трампа, подтверждённое позднее Байденом, в то время как доля других импортируемых китайских товаров выросла почти на треть.

Третий. Потеря Китая была частично компенсирована за счёт других азиатских стран, в первую очередь Вьетнама, который получил 2 % импорта США, Тайваня (1 %) и Канады, Мексики, Индии и Кореи, имеющих несколько меньшую долю.

Четвёртое. При этом США не увеличили степень диверсификации своего импорта.

Пятое. Страны, которые увеличили свою долю в импорте США, также увеличили свой импорт из Китая. То есть, чтобы заменить Пекин в роли экспортёра в США, они вписались в производственные цепочки Китая. Этот факт согласуется с идеей о том, что отказ США от китайского импорта в своих стратегических секторах, возможно, не уменьшил зависимость Вашингтона от Пекина в той степени, о которой говорили первоначальные данные, а углубил косвенные связи между Китаем и Соединёнными Штатами.

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения, статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист в своих
ранних работах», «Философия
мёртвой реакции», карты, схемы
и иллюстрации, примечания,
хронология, библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Европейские хроники

Франция и Германия за многоскоростную Европу

На неформальном саммите в Гранаде в начале октября Европейский совет запустил дискуссию по поводу Стратегической повестки 2024–2029. Газеты сфокусировались на сложностях с достижением соглашения по поводу иммиграции и права на убежище, однако основным был вопрос институциональных реформ и реформ процесса расширения ЕС. Поскольку вхождение Турции сегодня не рассматривается, в перспективе может появиться Евросоюз, расширившийся за счёт шести стран Западных Балкан, Украины, Молдавии и, вероятно, Грузии.

Президент Европейского совета Шарль Мишель указал на 2030 год как на дату, к которой ЕС и страны-кандидаты должны быть готовы к новому расширению, однако многие члены оказались недовольны предложением установить крайний срок. Эти государства неохотно реагируют на дискуссию, поскольку боятся сокращения собственного влияния, а также средств из европейских фондов в их распоряжении. Более того, расширенный союз рискует стать дисфункциональным без реформ, направленных на значительную централизацию принятия решений в Брюсселе. Это навязало бы, таким образом, передачу суверенитета, которую очень трудно продать электорату, но которая необходима, чтобы позволить европейскому империализму более эффективно преобразовывать на международной арене свой экономический вес в военно-политический.

“Группа двенадцати”

Чтобы стимулировать эти дебаты, заместители министров иностранных дел Франции и Германии попросили группу из двенадцати экспертов, работающих в разных французских и немецких исследовательских и мозговых центрах, представить предложения институциональной реформы. Хотя доклад “группы двенадцати” “Ходить в открытом море: реформировать и расширить ЕС в XXI веке” и не представляет официальную позицию Парижа и Берлина, он тем не менее предоставляет панораму терминов, которые используются в дебатах главы государств и правительств Евросоюза.

Доклад повторяет в своих рекомендациях цель 2030 года, зафиксированную Мишелем, но при этом добавляет: чтобы гарантировать её достижение, ЕС должен начать действовать тотчас же, запустить первые реформы и ещё до европейских выборов 2024 года приготовить те, что будут проведены во время легислатуры 2024–2029 годов. Среди рекомендованных мер можно обнаружить расширение голосования квалифицированным большинством вместо единогласия в Европейском совете, перестройку Еврокомиссии, увеличение бюджета ЕС, эмиссию общего долга и укрепление механизмов санкций в случае нарушения норм правового государства.

“Группа двенадцати” предполагает также изменить порядок принятия новых членов и структуру союза. Она предлагает «*постепенную интеграцию*» новых государств в архитектуру из четырёх concentрических кругов: центральным ядром стала бы еврозона, вторым кругом – ЕС, третьим – ассоциированные страны и государства-члены более широкого Европейского по-

литического сообщества. Последнее, созданное в 2022 году по предложению Макрона, объединит четыре десятка стран Европы и её ближнего зарубежья – доклад указывает на Норвегию, Швецию и Великобританию как на возможных членов третьего круга, – эти страны будут не только частью общего рынка, но и будут вынуждены признавать верховенство европейского права и Европейского суда.

Некоторые реформы можно провести без применения сложного процесса изменения Договора о функционировании ЕС (Лиссабонский договор), однако другие его потребуют. Понимая сложности, которые несёт с собой созыв Конвента по реформе договора, “группа двенадцати” предлагает также альтернативные пути его изменения. В случае тупика она предлагает двигаться вперёд вместе с готовыми на это странами, учреждая новый договор. Это отношение означает, таким образом, возвращение в актуальную повестку уже много раз появлявшейся в прошлом идеи многоскоростной Европы.

Франко-немецкое сближение

По словам *Le Monde*, предлагаемая «дифференциация» с «*постепенным и обратимым присоединением*» и «*многоскоростной европейской конструкцией*» движется в направлении «*Европы à la carte*». Со своей стороны *Frankfurter Allgemeine Zeitung* от 21 сентября фактически не упоминает предложения многоскоростной Европы, против которого выступает немецкое правительство, и скорее привлекает внимание к возможности реформы договора без созыва нового Конвента и расширения голосования квалифицированным большинством. Франция, уточняет *Le Monde*, «*демонстрирует, что менее готова*» к этой реформе, в защиту которой Олаф Шольц выступает «*уже несколько месяцев*», поскольку считает, что «*нынешняя ситуация оставляет широкое пространство для гибкости*» (20 сентября). Несмотря на эти различные предпочтения и франко-немецкий раскол по другим вопросам, на данный момент Париж и Берлин особенно демонстрируют свой общий стратегический интерес в укреплении возможностей ЕС действовать в роли державы. Это выражается через утверждение необходимости реформы как предварительного условия для расширения.

В оппозиции к этой идее выступают прежде всего страны Северной и Восточной Европы. В тот же день, когда было опубликовано текст “группы двенадцати”, политологи из стран Балтии, Польши, Хорватии и стран Северной Европы представили собственный доклад, в котором рекомендуют «*не обуславливать вступление новых государств-членов институциональными реформами*» (*Le Monde*, 20 сентября). Ожидается оппозиция и со стороны Венгрии, а также Словакии, где недавно выиграл выборы Роберт Фицо – социал-демократ популистского толка и пророссийских взглядов.

Возможность того, что страны еврозоны смогут углубить свою интеграцию и в итоге сформировать твёрдое ядро, спровоцировала интересную реакцию в Швеции и Польше – в двух странах-членах ЕС, которые, однако, не входят в зону евро. Йохан Персон, шведский министр труда и интеграции и лидер пар-

тии “Либералы”, призвал свою страну перейти от «*базового*» вступления ЕС на ступень «*премиум*», введя единую валюту (*Der Spiegel*, 29 сентября).

Возвращение европейской Польши?

Хотя в Польше политологи Павел Токарски и Агнешка Смоленска поддержали 21 сентября вступление их страны в еврозону в блоге “Europp” Лондонской школы экономики, ни один политический лидер не поддержал его во время кампании перед выборами 15 октября. Тем не менее их результат открывает перспективу Польши, которой больше не управляет партия “Право и справедливость” (“Пис”), враждебная дальнейшей централизации Европы. “Пис” вместе со своими союзниками снова заняла первое место с 35,4 % голосов, однако потеряла 8 процентных пунктов по сравнению с предыдущими выборами, следовательно, партия под предводительством Ярослава Качиньского вряд ли сможет найти партнёров для формирования коалиции для достижения большинства.

Таким образом, Дональд Туск, лидер второй сильнейшей польской партии и бывший премьер-министр, а также экс-председатель Европейского совета, может сформировать правительство, более конструктивно относящееся к ЕС. Коалиция в составе “Гражданской платформы” Туска (30,7 % совместно с её союзниками), “Левицы” (8,6 %) и “Третьего пути” (14,4 %) могла бы получить 248 из 460 мест в Сейме, нижней палате парламента. Однако редактор *FAZ* Рейнхард Везер предупреждает, что ЕС «*не следует ожидать, что Польша быстро превратится в достойного доверия партнёра*»: страна «*может сперва войти в опасную фазу политической нестабильности*», потому что “Пис” имеет много инструментов, чтобы «*замедлить и помешать формированию нового правительства*» (17 октября). По словам польской газеты *Rzeczpospolita*, победа оппозиции означает возвращение Варшавы в сердце ЕС, где Париж и Берлин хотели бы вовлечь её в узкую группу, принимающую решения: «*Это словно отказ от идеи “многоскоростной” Европы*» (17 октября). Этот комментарий отражает также страх консервативной и европейской газеты увидеть Польшу исключённой из возможного будущего плотного ядра ЕС.

Беспокойство стран Южной Европы

Что касается Испании и Португалии, директор “ElcanoNET” в Королевском институте Элькано Ауреа Мольто выражает беспокойство перед «*смещением центра тяжести ЕС в сторону Востока*». На страницах португальской газеты *Diário de Notícias* 12 октября Мольто заявила, что Португалия и Испания находятся в «*очень периферийной*» ситуации и должны будут вместе с такими странами, как Италия и Греция, «*гарантировать, что ЕС не забудет это южное измерение*» с его направленностью в сторону Африки и Латинской Америки. В Италии Лукреция Рейхлин комментирует, что Риму следует стать частью возможного «*центрального ядра*», и видит возможность «*большого стремления к созданию инструмента общего финансирования*». Стране следует, таким образом, «*быть очень внимательной*» к этим дебатам, однако Рейхлин пишет,

что «*не видит следов этого*» (*Corriere della Sera*, 24 сентября).

Заинтересованный британский энтузиазм

Британская пресса, наоборот, отнеслась внимательно к предлагаемым реформам. Мартин Сэндбю, редактор *Financial Times* по европейским делам, порадовался тому факту, что «*политическая необходимость приблизить Украину и наконец включить её в ЕС*» открыла «*вопросы, которые были категорически закрыты, когда Великобритания была в процессе выхода*». Тот факт, что «*лидеры ЕС всерьёз задумываются о более постепенных формах принятия*» новых членов, может привести к более богатому «*меню à la carte*» отношений с союзом, что сможет «*перестроить британский вопрос*» (11 сентября). *Times* 20 сентября пишет, что введение новой категории «*ассоциированного члена*» стало бы возможностью, за которую могла бы ухватиться Великобритания, если Лейбористская партия выиграет выборы в будущем году. В конце концов, лидер лейбористов Кир Стармер пообещал намного более тесные торговые отношения с ЕС, но без вступления в союз «*в какой бы то ни было форме*» (18 сентября).

В своей редакционной статье от 25 сентября Сэндбю, однако, пожаловался на то, что “группа двенадцати” написала, что страны с сохраняющимися военными конфликтами на их территории не могут вступить в ЕС. По его мнению, это означает предоставить Москве «*право вето*» на вступление Украины. При этом он не описывает последствия для союза такой ситуации, когда одно из государств-членов находится в открытой войне с Россией. Однако Сэндбю делает наблюдение, которое ведёт к ещё открытому вопросу: каким образом европейский империализм намеревается трансформировать войну на Украине в расширение, которое, как было написано в гранадской декларации, должно быть «*геостратегической инвестицией в мир, безопасность и процветание*»? Никакая риторика не может затушевать стратегический узел отношений с Россией.

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

**Реакционный терроризм,
империалистический
европеизм, коммунистический
интернационализм**

272 стр., твердый переплёт,
примечания,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Российские хроники

Стратегический цугцванг и страхи Кремля

В передовице свежего ноябрьско-декабрьского номера журнала "Россия в глобальной политике" его редактор Фёдор Лукьянов утверждает: «Драма на Ближнем Востоке подтвердила то, о чём мы же давно писали, – трансформация мира происходит через череду острых локальных конфликтов, каждый из которых балансирует на грани перехода в общемировой», – и завершает свою мысль грозным предостережением: «Ограничитель в виде ядерного сдерживания пока работает». Журнал вышел в свет 1 ноября. 26 октября в принадлежащей Балтийской медиа группе (БМГ) газете "Комсомольская правда" появилось интервью того же Лукьянова с громким названием "Третья мировая уже идёт". Как объяснить произошедший за пять дней метаморфоз уже идущей мировой войны в балансирование на грани перехода к общемировому конфликту?

Можно вспомнить, что Сергей Руднов, нынешний главный бенефициар популярной газеты, является сыном основателя БМГ Олега Руднова, который был деловым партнёром Юрия Ковальчука, совладельца банка "Россия", Национальной медиа группы и близкого друга президента Владимира Путина ("Коммерсантъ", 3.07.2007). Можно порассуждать о различии аудиторий журнала внешнеполитической элиты и "народной" газеты. Но, скорее всего, мы имеем дело с замешательством в среде российского правящего класса. Стратегический цугцванг (см. сентябрьский и октябрьский номера нашей газеты за прошлый год), в котором оказался российский империализм, заставляет его надеяться на чудесное воскрешение из мёртвых. Причём произойти это должно то ли в мясорубке мировой войны, то ли в радиоактивном пепле ядерных взрывов.

Время отчаяния

В упомянутом интервью "Комсомольской правде" Лукьянов говорит: «Стратегия Москвы, если я правильно её понимаю, при любых сценариях более-менее консервативных, без перехода к войне Россия – НАТО, исходит из того, что наш ресурс больше, чем тот, который могут дать Украине. И поэтому, в конце концов, наша возьмёт. Правда, возникает другой вопрос – допустим, пересидели. Что мы дальше-то делать будем? Вот это, на мой взгляд, вопрос посложнее». И этот более сложный вопрос он оставляет без ответа, если не считать таковым фразу, что «есть ядерное оружие, которое пока многих сдерживает».

Более опытный коллега Лукьянова по цеху экспертов-международников, научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ Сергей Караганов, первым по ходу нынешнего военно-политического кризиса поставивший вопрос о применении Россией ядерного оружия, которое «может уберечь человечество от глобальной катастрофы» ("Профиль", 13.06.2023), в недавнем интервью газете "Московский комсомолец" (9.10.2023) утверждает, что «большая термоядерная война движется – не только и даже не столько из-за ситуации на Украине. Есть гораздо более глубокие причины. «В первую очередь», по словам Караганова, это связано с тем, что «Запад пе-

решёл в отчаянное контрнаступление, понимая, что сейчас он теряет своё основанное на военном превосходстве пятисотлетнее доминирование». Караганов предупреждает полумиллионную аудиторию газеты: «У нас и мира осталось максимум ещё несколько лет для предотвращения скатывания в глобальную войну».

Старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Андрей Фролов рассуждает о закрывающихся окнах возможностей, вынуждающих «акторов действовать именно так, а не иначе», то есть всё чаще прибегать к силовым методам ("Россия в глобальной политике", 30.10.2023). Он предлагает задуматься о том, какие из окон «могут захлопнуться в обозримом будущем», высказывая предположение о том, «что следующего конфликта стоит ожидать на Тайване [...] Видимо, 2025–2027 гг. станут рубежными для Пекина в принятии решения о силовом решении вопроса».

Возможно, российские эксперты-международники поверили Кассандре, но резкие перепады настроений от заявлений о неминуемой победе и последующем наступлении эры справедливого многополярного мира до призывов к спасению человечества посредством его уничтожения в ядерной войне напоминают скорее попытку самовнушения, самооправдания или поиска живой воды.

Украинская авантюра как триггер перемен

Статья директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Василия Кашина является дополнительным подтверждением нашей гипотезы. «Численное соотношение сил к лету 2023 года изменилось в пользу России. Российская линия обороны была отлично оборудована и укреплена. Стала приносить очевидные результаты и мобилизация отечественной промышленности». Но при этом, утверждает автор, «конфликт вступает в опасную фазу», противник, понимая, что «его положение ухудшается [...], может попытаться выйти из тупика за счёт резкой эскалации». Кроме того, «резкое изменение соотношения сил на поле боя в пользу России может вернуть на повестку дня и варианты ввода на украинскую территорию войск отдельных стран НАТО, из-за чего Россия и США могут оказаться на грани ядерного кризиса». Избежать этого возможно, считает эксперт, лишь в том случае, «если главные участники конфликта начнут диалог, учитывающий объективно сложившиеся условия» ("Профиль", 01.11.2023).

По всей видимости, российский империализм использует разговоры об эскалации для того, чтобы заставить Вашингтон сесть за стол переговоров и вернуться к обсуждению предложений о безопасности в Европе, выдвинутых 17 декабря 2021 года. Но даже если предположить вероятность такого развития событий, в воздухе, как топор, висит вопрос Лукьянова: «Что мы дальше-то делать будем?»

«США могут увязнуть в конфликтах на Ближнем Востоке с Ираном и его союзниками и на Дальнем Востоке с Китаем и КНДР», – рассуждает Кашин. Но,

продолжает он, «речь идёт лишь о вероятностях, зависящих от многих факторов, повлиять на которые Москва не может или почти не может». Поэтому «российское планирование должно исходить из худшего сценария – быстрой ремилитаризации Украины. Следовательно, с точки зрения Москвы, СВО не может завершиться, пока эта угроза не устранена».

Если это так, то, скорее всего, из Кремля столкновение с НАТО видится безальтернативным. Возможно, именно этой точки зрения придерживается правящая фракция российского капитала, которая на данный момент в определённой мере даже укрепила свои позиции. Пока из среды крупной российской буржуазии не доносятся голоса, выражающие внятную альтернативу нынешней линии Кремля, но углубление военно-политического кризиса неизбежно будет порождать недовольство, поводов для которого хватает уже сейчас. Линии разлома будут расширяться. Летний кризис на розничном рынке нефтепродуктов является первым проявлением этой тенденции.

«Не получилось»

Именно так называется цитируемая статья Кашина. Автор имеет в виду, что Украине не удалось контрнаступление. «Стратегическое положение Украины ухудшается. Всё очевиднее признаки её истощения». Насколько позволяет оценить ситуацию туман войны, Кашин прав. Но в не меньшей мере это применимо и к России: она погрязла в войне на истощение, попав в практически безвыходную ситуацию стратегической зависимости от Китая.

Заведующий сектором международных военно-политических и военно-экономических проблем ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Прохор Тебин подмечает, что «повсеместное распространение смартфонов, социальных сетей и интернета создали феномен "войны в режиме реального времени" и кажущуюся максимальной транспарентность боевых действий, аренной для проведения операций и кампаний. Эта ситуация гораздо сложнее и запутаннее простого "тумана войны" или пропаганды образца, например, первой половины XX века» ("Валдай", 31.10.2023). Но даже сквозь этот туман всё более отчётливо видна усталость пролетарских масс от их политики, которая регулярно порождает кризисы и войны. Пока это чаще всего проявляется в тупой апатии.

Русско-английский философ Исая Берлин (1909–1997), побывав в Москве в 1945 году, пришёл к выводу, что Сталин изобрёл особый способ управления, который основан на постоянном поиске среднего «между "диалектическими противоположностями" апатии и фанатизма» ("История свободы", 2001). Тот же поиск баланса между апатией молчаливого большинства и фанатизмом приверженцев идей "русского мира" лежит в основе путинской внутренней политики. «Средние и мелкие чиновники, обеспечивающие функционирование военно-политической машины Кремля; околосударственный бизнес, занявшийся импортоза-

мещением и обходом санкций; верхний средний класс и руководство так называемых бюджетных организаций, вынужденные тем или иным образом демонстрировать лояльность войне, – это несколько миллионов человек, без видимого желания, но и без видимого усилия вписавшихся в моральную экономическую военную агрессию» ("Медуза", 21.07.2023).

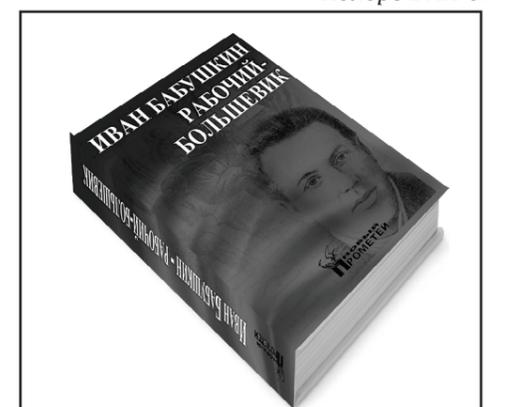
При этом внешнеполитическое давление и структурные слабости российской экономики являются той водой, которая уже подтачивает внешне монолитную, но внутренне апатичную путинскую вертикаль. Чиновники, ожидавшие карьерного роста в связи с поддержкой войны на Украине, зачастую оказываются у разбитого корыта, а их коллеги, изначально выбравшие стратегию молчания, под давлением извне порой вынуждены с неохотой публично одобрять линию правящей фракции. Это мнимая стабильность. Вероятно, это понимают и в Кремле, но в условиях цугцванга любой следующий ход приводит к ухудшению текущего положения.

Класс против класса

4 октября рабочие-вахтовики Ковыктинского месторождения, являющегося рекордсменом по запасам газа в Восточной Сибири и поставляющего его в трубопровод "Сила Сибири", объявили забастовку из-за невыплаты зарплаты и плохих условий труда. Предприятие, нанявшее вахтовиков, входит в холдинг "Газстройпром" – дочернюю строительную структуру "Газпрома". «Мы тут в рабстве», – заявили рабочие (The Moscow Times, 09.10.2023).

Капитализм – это общество наёмного рабства. Осознание собственных классовых интересов является первым шагом к освобождению. Ответом на фанатизм и апатию правящего класса может быть лишь сознательное действие пролетариата. Необходимым условием является интернационалистическая оппозиция войне.

Ноябрь 2023 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.

6 карт
и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Крупные группы российского империализма

Восхождение “НОВАТЭК”

Российская газодобывающая отрасль, по данным Минэнерго (01.01.2021), включает 260 организаций, в том числе 76 входящих в структуру вертикально-интегрированных нефтяных компаний, 15 дочерних компаний “Газпрома”, 8 структурных подразделений “НОВАТЭКа”, 158 независимых добывающих компаний и 3 оператора соглашений о разделе продукции.

Один из чемпионов этого сектора и его крупнейшая частная компания – “НОВАТЭК”. Она неизменно входит в наш рейтинг 50 крупнейших групп РФ, а также занимала 414-е место в рейтинге 2000 крупнейших компаний “Global 2000” (2022), публикуемом *Forbes*, и 78-е место в списке 250 крупнейших энергетических компаний мира 2021 г. по версии *S&P Global Platts*.

Основной объём деятельности “НОВАТЭКа” сосредоточен в России: здесь ему принадлежат 83 лицензии на разведку и добычу углеводородов в основном в Ямало-Ненецком автономном округе с суммарными доказанными запасами 17,6 млрд баррелей нефтяного эквивалента (на конец 2022 г.), в настоящее время ведёт добычу природного газа, газового конденсата и нефти на 26 месторождениях, производя 12,1 % газа в РФ и поставляя его в 40 регионов промышленным потребителям, объектам электрогенерации и населению. Самое перспективное направление группы – добыча и реализация СПГ, на мировом рынке которого в 2022 г. “НОВАТЭК” довёл свою долю до 5,4 %.

Источники: КПСС, наследование и протекция

Несмотря на то, что прародитель “НОВАТЭКа” – в отличие от предтеч других крупнейших нефтегазовых холдингов – не участвовал в залоговых аукционах, всё же его история также связана с приватизацией бывших госпредприятий СССР и кадрами его партии-государства, лживо называвшей себя коммунистической.

Предыстория “НОВАТЭКа” начинается с провинциального, но крупнейшего в системе Миннефтегазстроя, треста “Куйбышевтрубопроводстрой”, директором которого в 1979–1987 гг. был член горкома КПСС, депутат Новокуйбышевского городского Совета народных депутатов Виктор Михельсон – отец нынешнего главы “НОВАТЭКа” Леонида Михельсона, к которому и перешло руководство после смерти отца, а помог Михельсону-младшему в этом знакомый отца по горкому партии. В 1991 году Михельсон провёл акционирование предприятия, и “Куйбышевтрубопроводстрой” стал СНП “Нова”, а в 1994-ом был учреждён “Новафининвест”, ставший отражением новых амбиций Михельсона: его перестало удовлетворять обслуживание нефтяных и газовых компаний, и он решил приступить к геологическому изучению недр, поиску и добычи нефти, газа и газового конденсата и сконцентрировался на развитии нефтегазовых активов.

Ускорение эволюции новой компании произошло в 1996 году, когда знакомый Михельсона Иосиф Левинзон стал заместителем губернатора основного газодобывающего региона России – Ямало-Ненецкого автономного округа. Благодаря его поддержке “Новафининвест” начал добавлять к своему довольно серьёзному пулу уже имеющихся лицензий новые документы на “ничейные” месторождения, выдаваемые на региональном уровне. В 2001 г. Левинзон продал “Новафининвесту” ведущую геологическую компанию округа “Пурнефтегазгеология”, предварительно обеспечив её несколькими лицензиями на ямальские газовые месторождения. В 2003 г. “Новафининвест” стал “НОВАТЭКом”. В 2004–

2005 гг. “НОВАТЭК” консолидировал основную массу активов, продал непрофильные и вышел на IPO на Лондонской и российской биржах. IPO прошло более чем успешно: акции были размещены по верхней границе заявленного диапазона. Примерно в то же время – середине 2000-х – Михельсон вошёл в топ богатейших частных предпринимателей России.

Строитель и “дипломат”

С момента первой публикации *Forbes* рейтинга “Золотая сотня” в нём неизменно присутствует Михельсон, поднявшись с 54 места в 2004 г. до четвёртого в 2022-м.

Михельсон окончил в 1977 г. Куйбышевский инженерно-строительный институт по специальности “инженер-строитель”. После его окончания работал в Западной Сибири прорабом строительно-монтажного управления на строительстве первой нитки газопровода “Уренгой – Челябинск”, затем стал начальником линии на строительстве газопровода “Уренгой – Помары – Ужгород”, которое вёл трест “Куйбышевтрубопроводстрой”, а после – главным инженером треста “Рязаньтрубопроводстрой”.

Именно эта его строительная специализация во многом определяет его моральный фактор и направленность его идеологических суггестий. Буржуазная пресса в качестве основного козыря Михельсона чаще всего называет отнюдь не специфические образование и “менталитет”, а умение обзаводиться нужными связями.

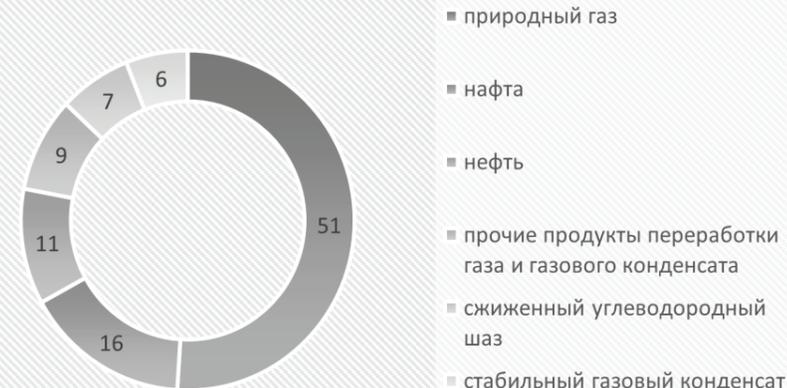
Судьбоносное партнёрство

Имя Михельсона ассоциируется с одним из самых успешных партнёрств современной России – Геннадием Тимченко, а последний имеет особые отношения с Владимиром Путиным. В конце 2000-х гг. владевший основной долей “Ямал СПГ” Тимченко искал индустриального партнёра для разработки месторождения. Одним из претендентов на роль основного игрока в долгой истории “Ямал СПГ” был “НОВАТЭК”, уже предпринимавший попытку войти в проект, но потерпевший неудачу. К этому времени он стал заметным игроком на газовом рынке и нуждался во влиятельном протекже, который позволил бы ему выйти на новый уровень, и Тимченко с его связями и опытом участия в международных проектах отлично подходил для решения этой задачи. В 2008 г. Тимченко купил 5 % “НОВАТЭКа”, а в июне 2009-го последний приобрёл 51 % “Ямал СПГ” у Тимченко и получил опцион на оставшийся пакет.

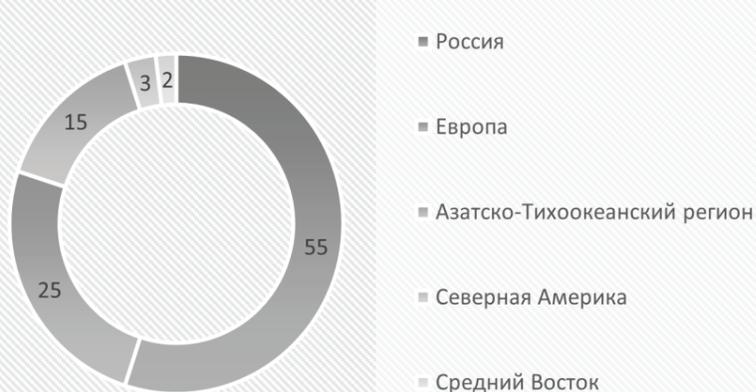
Быстрый рост “НОВАТЭКа” «чётко коррелирует с приходом в его совет директоров могущественного мазната Геннадия Тимченко», писали в 2013 г. норвежские исследователи в специализированном голландском журнале *Energy Policy*, приводя несколько показательных примеров: одобрение российской политической верхушкой сделки между Total и “НОВАТЭКом” в рамках проекта “Ямал СПГ”, успех “НОВАТЭКа” в обеспечении налоговых льгот для “Ямал СПГ” задолго до принятия инвестиционного решения, что свидетельствует о хороших связях его руководства, и тот факт, что “Ямал СПГ” получил поддержку правительства в виде подготовки портовой инфраструктуры в вахтовом посёлке Сабетта, а также подходящих и морских каналов для танкеров для СПГ.

Заметим, однако, что реализация этого субъективного фактора стала возможна лишь потому, что он отлично вписался в объективный тренд, возникший в последние десятилетия на мировом и, как следствие, российском газовом рынках: за 2000–2021 гг. объём

Структура выручки НОВАТЭКа по видам продукции в 2021 году

Структура выручки НОВАТЭКа по географическим сегментам в 2021 году

торговли СПГ вырос в 3,7 раза, а доля СПГ в структуре мирового экспорта газа достигла 42 %. Кремль уже давно уловил эту тенденцию: как пишет Франческо Сасси, исследователь энергетической геополитики из итальянского Института международных политических исследований (ISPI), за последние 20 лет Москва предприняла ряд инициатив, чтобы стать производителем СПГ мирового значения, и начала амбициозный процесс реформирования внутренней газовой системы (*Energy Strategy Reviews*, май 2022). Столкнувшись с вызовами на международных рынках, она была вынуждена преобразовать внутренний рынок, изменить исторически сложившуюся структуру газовой системы и «позволила новым компаниям расти и достигать стратегических целей Кремля», поэтому «традиционное первенство государственного “Газпрома” всё больше стало подвергаться сомнению. В итоге, по данным главы ФНЭБ Константина Симонова, озвученным в интервью “Российской газете” (25.05.2023), независимые «производители уже контролируют более 30 % поставок на внутренний рынок в зоне единой системы газоснабжения. А ещё десять лет назад эта цифра была менее 20 %».

“Тёмная лошадка”

Но вернёмся в далёкий 2004 г. Именно тогда впервые громко заявила о себе молодая и ещё мало кому известная компания “НОВАТЭК”. Она произвела сенсацию на финансовом рынке, объявив о готовности немецких банков предоставить ей крупнейший в истории российской экономики синдицированный кредит в 1 млрд евро, правда, эта сделка так и не состоялась, но спустя полгода появились разговоры о том, что такую же сумму го-

това заплатить за блокирующий пакет акций четвертая по величине нефтегазовая компания мира французская Total. Однако тогда покупка акций не состоялась, и Total смогла получить долю в “НОВАТЭКе” и в перспективном проекте “Ямал СПГ” лишь в 2011 г., на закате медвежьей либерализации.

В 1990-е годы в России было 3 независимых производителя газа: “Нортгаз” Фархада Ахмедова, “Итера” Игоря Макарова и “НОВАТЭК” Леонида Михельсона. И только один из них остался в газовом бизнесе. Бывший партнёр Михельсона, стоявший у истоков “НОВАТЭКа”, а ныне депутат Госдумы Леонид Симановский как-то заявил: «Мы считали, что чем меньше о нас знают, тем лучше для развития бизнеса» (“Компания”, 24.01.2005). Такая стратегия принесла свои плоды, так как Михельсон, которого обычно противопоставляют опальному олигарху Михаилу Ходорковскому, в условиях войны на Украине ставшем одним из лидеров партии империалистического поражения, “не лез в политику”, поэтому к нему были лояльны, в частности, в “Газпроме”. Так, он никогда не претендовал на куски “газпромовской империи”, и основные месторождения “НОВАТЭКа” лежали за её пределами. В то же время он поддерживал партнёрские отношения с некогда лидером независимой добычи и крупнейшим экспортёром после “Газпрома” компанией “Итера”, которая в 2013 г. растворилась в “Роснефти”. Однако, как мы писали выше, в последние годы ситуация изменилась, и окрепший “НОВАТЭК” смог бросить вызов “Газпрому” в секторе СПГ и пока вышел из схватки победителем, став главным проводником российской СПГ-стратегии.

Хроники Шёлкового пути

“Великое противостояние” Цзинь Цаньжуна

Исследование действительного политического процесса в Китае подтверждает классовое содержание империалистической демократии как централизации плюрализма волею фракций крупного капитала. Однако в рамках китайской политической оболочки она осуществляется в основном посредством *однопартийного плюрализма*, то есть механизма, при котором ключевые связи между буржуазными фракциями, укрупнёнными в крупных региональных зонах и наиболее интернационализированных экономических группах, и их политическими течениями выражаются внутри одной партии-государства.

Если отбросить одноцветное изображение, на котором настаивают – из соображений выгоды, а иногда и из-за интеллектуальной лениности – старые державы, преследуя цели своих политических кампаний, то в китайских дебатах можно проследить в том числе различные линии во внешней политике, исходящие из провинций и крупнейших центров мысли. Достаточно регулярно следить за “СМИ-рупорами”, чтобы заметить самые различные склонности основных комментаторов – азиатские, пророссийские, проамериканские, проевропейские и т. д. – и начать систематический анализ мозговых центров, сопровождаемый его разбором их книг.

Дилеммы континентальных оболочек

Фань Юнпэн, вице-президент Института Китая в Университете Фудань (Шанхай), центре разработки идей китайской исключительности, пишет о *«противоречии между размером и порядком»* в державах континентального масштаба: Китае, Америке и Европе. Множественность интересов и внутренние конфликты увеличивают сложность политической централизации, следовательно, *«одним из наиболее значительных испытаний для любой крупной системы»* становятся *«примирение»* интересов и *«борьба»* за встраивание внутренних конфликтов в общий консенсус.

Согласно обычаю, автор вспоминает объединение Китая в I тысячелетии до н. э. и проводит параллели между традиционными династиями и ролью КПК. Даже *«великое объединение»*, совершённое партией, само по себе не будет достаточным, чтобы установить *«равновесие между размером и порядком»*, если она не будет *«периодически»* утверждать себя в качестве *«партии общих интересов»*. Эта *«дилемма»* между строгостью централизации и риском хаотичного замедления, *«с которой столкнулись все политические системы больших размеров»*, такие как *«федеральная»* система США, *«наднациональная»* система ЕС и Китая в его единстве, никогда не была полностью решена.

Столкновение с США и ЕС предполагает конкуренцию надстроек: с одной стороны, речь идёт о степени эффективности централизации плюрализма в китайской политической оболочке. Достаточно подумать о политических законах континентальных надстроек в отношении между центром и местными властями и в диалектике между размерами и временем политическо-го метаболизма. С другой стороны, в

китайской истории это не может не напоминать способность каждой державы влиять на процесс: когда молодой китайский капитализм оказался ими пересечён, *«равновесие между размером и порядком»* оказалось в кризисе; теперь империалистически созревший Китай сам может влиять на внешний мир.

Именно это становится конкретным анализом и сопоставлением политических курсов действий в изложенной нами дискуссии между пекинской, шанхайской и шэньчжэньской “школами мысли”, в точной оценке американского проникновения в европейский политический процесс и в рассмотрении китайских возможностей влияния в Европе и США.

Китайский новый политический цикл

Цзинь Цаньжун, патриарх китайского реализма из Китайского народного университета в Пекине, наблюдает открытие эры *«великого противостояния»* между державами на рубеже старого и нового мировых порядков. Речь не просто о поствоенном порядке, поставленном под сомнение относительным американским упадком, а о самих концепциях мирового порядка, разработанных в XVI веке под влиянием Великих географических открытий и *«главенства ресурсов»* в долгосрочной перспективе: хотя мировой экономический барьер сместился в сторону Тихого океана, порядок оставался *«западным»* по сути. В этом смысле под “Западом” можно понимать систему государств, состоящую из *«Тройки великих»* (Соединённые Штаты, Европа и Япония) и *«Пятёрки малых»* государств (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Израиль и Южная Корея). В *«новой эре великого противостояния»* действие этих аспектов подходит *«к концу»* в условиях неожиданного изменения экономических соотношений, политических представлений и внутреннего единства в тех же западных странах.

Таким образом, на то, что и в Китае политический цикл, продолжающийся от *«реформ и открытости»* Дэн Сяопина до *«гармоничного общества»* Ху Цзиньтао, исчерпан, указывают два наблюдения: *«Эра глобализации последних 40 лет подошла к концу»*; *«гармонии между великими державами, которую мы наблюдали последние десятилетия, больше нет, и сегодня отношения сдвинулись от экономического соревнования к сепаратному, гораздо более суровому»*. С точки зрения отношений Китая с экономическим циклом, *«ключ»* заключается во *«внутренней циркуляции»*, потому что условия *«сильного предложения и слабого спроса»*, сложившиеся в результате восхождения последних десятилетий, сделали Пекин *«зависимым от международного рынка»*. От этой внешней связи не отказываются, но предлагают балансировать её весом внутреннего рынка. Вследствие этого появляются линии за расширение социального обеспечения, за закрепление права граждан с сельской хукоу жить в городах и даже за увеличение зарплат в Гуандуне и Чжэцзяне – пилотных провинциях китайского социал-империализма.

Что касается стратегической стороны этого отношения с мировым

рынком, Цзинь обращается к теоретизированию Чжан Вэйвэя: Китай является *«цивилизованной страной»* с населением и историческим *«постоянством»* континентального масштаба, что позволяет ему встать в один ряд с “Великими”. В остальном тезисы *«мэтра Чжана»*, патриарха китайской исключительности из Университета Фудань, уже включены в число *«пяти модернизаций»* XX съезда КПК, отмеченных *«огромным населением, общим процветанием, духовной цивилизацией, гармонией между человеком и природой и мирным развитием»* (*Greater Bay Area*, 14 августа).

Мировой порядок проходит испытание в МВФ

Что касается отношений с США, Цзинь считает, что Штаты решили *«исключить Китай из мирового порядка, лидером которого они являются»*. Ему возражает Чжэн Юннэнь, теоретик *«инклюзивной многосторонности»* и *«федерализма де-факто»* из Китайского университета Гонконга в Шэньчжэне. Он пишет, что *«Соединённые Штаты не могут поддерживать порядок без Китая, а Китай не может установить новый без Соединённых Штатов»*. Заметим, что ключевым испытанием станет партия, разворачивающаяся в МВФ, где американское представительство блокирует пересмотр прав голоса, о котором просят страны БРИКС. По мнению *Financial Times*, это *«лакмусовая бумажка будущего порядка, возглавляемого Штатами»*.

По словам Цзинь Цаньжуна, США *«развязали новую холодную войну против Китая, используя давление по всем направлениям без исключения, в том числе военные приготовления. Мы тоже готовимся с вниманием»*. Чжэн Юннэнь больше указывает на способность повлиять на американские течения, однако наблюдает *«гонку вооружений»*. По мнению Цзиня, эти течения американского реализма в меньшинстве, но важно, что США были вынуждены ослабить риторику *«декаплинга»*, то есть экономического отделения от Китая, встретившись с возражениями с стороны Европы. Отношения с ЕС являются *«ключевой переменной в споре между Китаем и США»*.

Китайская и американская партии в Европе

Как пишет Цзинь Цаньжун, позиция ЕС становится *«все более важной»*, потому что если он сохранит *«некоторый нейтралитет»* в отношении США, то *«новая холодная война не сможет разразиться»*. Речь идёт о *«ключевом»* вопросе в новом *«великом противостоянии»* за переопределение мирового порядка: *«В некотором смысле именно Европа определит, окажутся ли Китай, США и Россия по итогам новой холодной войны в кризисе или в состоянии относительного мира»*. С другой стороны, *«ЕС находится в очень сложной ситуации»* с точки зрения собственного стратегического размаха и возможностей влиять на ход противостояния. Евросоюз *«не един»*, а *«США слишком сильно проникают»*, оказывая влияние на его внутренний политический процесс. Прежде всего, страны Старушки Европы *«должны бы*

иметь инстинкт поддерживать собственную независимость, однако действительно сложно сказать, будут ли они на это способны».

Речь идёт о двойственной ситуации, хорошо описанной в реалистической трактовке европейского процесса и его противоречий. Здесь можно различить вопрос, который задавал Гельмут Шмидт в своих размышлениях о Китае (Schmidt H., *“Nachbar China”*, 2006): получится ли у ЕС сдержать Америку в её противостоянии с Драконом? Однако саму эту гипотезу надо будет обновлять, пока ЕС и ключевые области рейнской оси затронуты китайским империалистическим восхождением на мировых и европейских рынках.

Шанхай и Берлин

Чжан Вэйвэй более pessimистичен в отношении европейского процесса, но более оптимистичен в плане возможностей на него повлиять. В отличие от Китая и России ЕС является *«разбитой тарелкой»* сложной композиции; как политическому *«организму»* Евросоюзу *«не хватает власти»* над государствами-членами; сами правительство и предпринимательское сообщество разделены по поводу того, принять ли более европеистскую линию или линию с большим американским влиянием. Пекин поддерживает автономию ЕС, но в качестве запасного варианта развивает отношения с отдельными наиболее “европеистскими” державами и крупными группами, наиболее пострадавшими от американских промышленников.

Шанхай – это привилегированный наблюдательный пункт: Чжан пишет, что туда в больших количествах приходят немецкие капиталы; в августе Китай принял меры из *«24-х пунктов»*, чтобы привлечь их и указать им *«путь выхода»* из дебрей соревнований в энергетике и добыче сырья в Европе; Дракон может *«принять многие из этих фирм»*, часть из которых *«даже утверждала, что если правительство не позволит им выйти на рынок Поднебесной, то они зарегистрируются не в Германии, а в Китае»*. В политическом плане, заключает Чжан, *«границы для манёвра широки»*. С ним соглашается Чжэн Юннэнь, приглашая Шанхай *«возглавить китайскую модернизацию»* в направлении открытия супер-провинции на реке Янцзы: отношения между *«экономическими системами мирового уровня, сильно интегрированными на региональном уровне, являются ключом [...] в крупных развивающихся странах»*.

Наконец, также и по мнению Ван Хуэйяо и Мяо Лу, основателей Центра изучения Китая и глобализации (CCG), ЕС мог бы играть роль *«баланса»*. Тем не менее не ясны остаются два фактора. Немецкому правительству понадобился год, чтобы достичь консенсуса по своему документу по вопросу стратегии в отношении Китая, и это приводит в недоумение: *«необходимо наблюдать дальше»*. *«Сомнения»* ЕС по поводу своей автономии отражают также вес, приобретённый Восточной Европой за счёт атлантической тяги, вызванный войной на Украине. Европейский процесс находится под наблюдением.

Рецензии

Немецкая теория мирового порядка

Ульрих Менцель, *“Die Ordnung der Welt”* [“Мировой порядок”], Берлин

Автор книги Ульрих Менцель (р. 1947) преподавал в университетах Бремена, Токио и Франкфурта, работал на кафедре международных отношений в Институте социальных наук Брауншвейгского технического университета. Опубликовал две работы по Китаю (“Размышления о Китае”, 1990, и “Теория и практика китайской модели развития”, 1978). Менцель поддерживает тезис о том, что в условиях пандемии глобализация приобрела оборонительный характер и может подойти к своему завершению.

Германия перед лицом нового мирового беспорядка

Текст книги представляет особый интерес, поскольку в прессе появились сообщения о том, что тезисы Менцеля находятся в поле зрения канцлера Германии Олафа Шольца. Если задаться вопросом о мотивах, то можно предположить, что в текущей фазе эпохальных изменений Шольц проявляет интерес к рекогносцировке британского упадка и дискуссиям об американском упадке, а также к перспективе гегемонистского подъёма Китая и Индии как опции в игре баланса сил. Поэтому мы сосредоточимся на тех главах текста, в которых автор анализирует Великобританию и США, уделяя особое внимание упадку этих держав и причинам, которые могли его детерминировать.

Упадок Великобритании: исторические и экономико-политические причины

В отношении Великобритании Менцель указывает на разницу между относительным упадком экономической мощи и политико-стратегическим весом: «Если в экономическом плане Великобритания достигла своего зенита в 70-х годах [XIX века], то с военной точки зрения она подошла к нему только через 30–40 лет. То же самое, пожалуй, произошло через 100 лет с США. В 80-е годы началась фаза относительного экономического спада. По оценкам Лэндиса, с 1880 по 1913 год доля Великобритании в мировом промышленном производстве снизилась с 22,9 до 13,6 %, доля США выросла с 14,7 до 32,3 %, Германии – с 8,5 до 14,8 %. Практические меры противодействия были приняты только после тарифной реформы 1903 г. и ре-

организации флота в 1904–1905 гг. под руководством адмирала Фишера. Они позволили Великобритании вместе с союзниками выйти победителями из Первой мировой войны. Второй этап дискуссии об упадке пришёлся на 1930-е годы, а третий начался после 1945 года, когда конец империи и утрату промышленного доминирования уже невозможно было отрицать».

Осознание начинающегося упадка привело и к тому, что в Великобритании возникла такая позиция, как “Лига справедливой торговли” (1881 г.), которая предлагала замаскировать протекционистские требования заменой понятия «свободная» на «справедливая». Свободная торговля должна была осуществляться только с определёнными странами, которые были на неё ориентированы, в то время как по отношению к практикующим протекционизм странам контрмеры были оправданы. Как можно заметить, это те же мотивы, которые сегодня побуждают США обсуждать вопрос о декаплинге с Китаем или френдшоринге с союзниками, причём в условиях всё большей экономической и финансовой взаимозависимости.

Британский упадок, начавшийся ещё до того, как империя достигла своего наивысшего расцвета, резюмируется Менцелем в пяти пунктах:

«1) утрата технологического и промышленного лидерства: так называемый «третий кондратьевский цикл» (химия, электротехника) перестал быть британской прерогативой;

2) сохранение линии на свободную торговлю, в то время как конкуренты перешли к протекционизму;

3) отсутствие осознания того, что наиболее динамичным соперником являются США, добившиеся военно-морской гегемонии в Западном полушарии; недооценивалось также усиление Японии на Дальнем Востоке;

4) затраты на территориальную экспансию, которые влекли за собой мобилизацию дополнительных ресурсов, увеличение налогов и государственного долга, что уже не сопровождалось экономическим ростом;

5) наконец, необходимо учитывать возрождение конкуренции со стороны Германии, США и Японии».

Отметим то, как эти пункты подчёркивают действие закона неравномерного развития, который с неизбежностью определяет подъём и упадок держав даже в тех условиях, когда, казалось бы, установлена исключительная гегемония.

США борются со стратегической неопределённостью

В США же дискуссия об упадке характеризуется колебаниями, свидетельствуя о стратегической неопределённости, характерной для американского империализма на этом эпохальном этапе. Менцель приводит различные интерпретации упадка державы: «После 1990 г. в американской администрации сформировались три позиции: неоконсерваторов, реалистов и либералов. Они соответствуют гипотезам, соответственно, о сохранении однополярного устройства, об ограничении гегемонистского статуса и развитии многосторонней позиции».

Менцель считает, что такие реалисты-классики и неоконсерваторы, как Нил Фергюсон, Герфрид Мюнклер, Пол Кеннеди и даже старый маэстро Генри Киссинджер, поддерживают цивили-

Имперское перенапряжение

«Период 1895–1905 гг. не только стал апогеем имперского великолетия [...], но и принёс беспрецедентную цену: финансирование войны с бурами (1899–1902 гг.) и разворачивавшейся конкуренции с Германией на почве перевооружения. Моммзен утверждает, что британский империализм реагировал на экспансию других держав [...] таким образом, чтобы сохранить и укрепить, а не расширить империю».

(стр. 822)

Военно-морская мощь и экономико-политический упадок

«“Двудержавный стандарт” в 1901 г. означал эквивалентность двум крупнейшим флотам [после британского вместе взятым]. Это означало превосходство над Францией и Россией, контроль над европейскими водами, господство на морях и безопасность империи. После 1899 г. мощь Франции уменьшилась, в то время как Германия и США увеличили свой вес. К 1903 году они превосходили Францию и вместе с Японией сравнялись с Королевским флотом, а в 1907-м даже превосходили его, хотя двудержавный стандарт по отношению к Германии и Франции мог быть сохранён».

(стр. 820–821)

Империалистический раздел

«Возникла проблема поиска источников финансирования военно-морской мощи в условиях испытываемой государством финансовой ограниченности. В 1901 году было подписано соглашение с США, по которому за американским флотом фактически закреплялось Западное полушарие. В 1902 г. было заключено второе соглашение с Японией о флоте, которое было продлено в 1911-м и закрепило за японским флотом дальневосточный регион».

(стр. 827)

«В 1909 г. “двудержавный стандарт” был официально оставлен в прошлом. Это стало последним шагом в отказе Великобритании от гегемонистских притязаний. От “Владычицы морей” через “двудержавный стандарт в мире” и “двудержавный стандарт в Европе” до простого сдерживания военного флота Германии в Северном море».

(стр. 828–829)

Повторяющиеся явления

«Чалмерс Джонсон (“Самоубийство американской демократии”, 2000) сталкивается с противоречием, когда, с одной стороны, констатирует новую империю США с военными базами и объектами в 132 странах, а с другой стороны, указывает, что классические показатели американского упадка – двойной дефицит бюджета и текущего счета – сохраняются и после окончания холодной войны и даже приобрели гораздо более драматический накал, чем в 1980-е годы. Новый виток упадка как следствие имперской экспансии должен протекать с большей глубиной, чем прежний, имея не только относительный, но и абсолютный характер».

(стр. 956)

Теории недоразвитости и историческая тенденция развития Китая

«Теория нового витка упадка проявляется в утверждении, что гегемония в мировой системе, кем бы она ни осуществлялась – Португалией, Нидерландами, Великобританией или США – со временем начинает носить принципиально негативный характер, поскольку препятствует раскрепованию периферии и, соответственно, развитию в мировом масштабе. Общественные блага гегемона с этой точки зрения – это вовсе не общественные, а клубные блага, которые служат только странам центра. Один из представителей этой школы, Андре Гуидер Франк, в своей работе “ReOrient” (1998) добился полного пересмотра парадигмы. Франк утверждает, что нынешний подъём Востока (в частности, Китая) обусловлен вековой тенденцией, в соответствии с которой центр на протяжении последних 500 лет перемещается по миру».

(стр. 960)

Исторические корреляции

«Закончится ли второй цикл в 2035 году тем, что Китай обгонит США, пока не ясно. Британия ещё долго сохраняла своё могущество, хотя в 1913 году её общественный продукт вдвое уступал США, тогда как Германия и даже Россия тоже были впереди. Даже если тот же Китай стал “мастерской мира”, США всегда будут “лабораторией мира”, которая важнее мастерской».

(стр. 984)

заторскую функцию США, чуть ли не роль мирового правительства. Однако неравномерность развития поставила Вашингтон перед решающей развилкой: «США в рамках этой новой дискуссии об упадке оказались в классической ситуации гегемонистской дилеммы, как и Британия сто лет назад. Если США хотят и дальше гарантировать либеральный порядок, то они станут его главной жертвой; если же они будут принимать превентивные меры против китайского вызова, то рискуют подорвать либеральный порядок. Выход из дилеммы может быть предложен участием “безбилетников” в несении издержек гегемона».

Переломный момент, связанный с подъёмом Азии

Менцель подводит черту под международной картиной, складывавшейся, по его мнению, с 1970-х годов: «Тихоокеанская эпоха началась, когда с 1970-х годов центр экономической активности в США переместился из “Ржавого пояса” на северо-востоке в Солнечный пояс на тихоокеанском побережье. После 1945 года имел место новый экономический подъём Японии, а с 1960-х годов восхождение пережили и другие азиатские страны. Сфера действия рах americana

оказалась зажата между “железным занавесом” и китайским побережьем. Поэтому такую систему можно назвать “мировой системой-2”, Атлантико-Тихоокеанско-Индийской, так как она не включала в себя значительную часть евразийского континентального массива – от Эльбы до 38-й параллели в Корею.

Только после того, как Китай начиная с 1978 г. отказался от самоизоляции, и особенно после великого прорыва 1990 г., рах americana приобрёл поистине глобальный размах, в связи с чем мы впервые в мировой истории можем говорить о глобальной мировой системе. Будут ли США заменены Китаем около 2035 г., а в будущем, возможно, и Индией в качестве державы порядка, покажет время. Или же в результате потенциального гегемонистского конфликта может произойти возврат мира государств к анархии. До тех пор рах americana будет гарантировать мировой порядок».

Именно упомянутый евразийский континентальный массив, заметим, и является сегодня источником радикального переворота в соотношении сил. Именно отсюда берёт начало констатируемый канцлером Шольцем *Zeitenwende*.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт,
4 карты, хронология, библиография,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Издательская новинка

Капиталистическая неопределённость

Из предисловия к готовящейся к изданию итальянском языке книге Николы Капеллуто *“Crisi del debito e crisi dell’ordine”*.

Империализм не способен поддерживать мировой порядок, заявлял Ленин. После краха Бреттон-Вудского монетарного порядка в 1970-х годах и Ялтинского порядка в 1980-х – 1990-х годах уже в течение 15 лет мир переживает тряску Вашингтонского консенсуса, ставшего выражением порядка империалистического либеризма, но теперь расшатываемого растущим стратегическим соперничеством между находящимся в относительном упадке американским империализмом и набирающим силу империализмом китайским: пятнадцатилетний период кризисов и неопределённости в экономическом развитии связан с «пятнадцатилетним периодом конфликтов и беспрецедентной напряжённости» кризиса глобального порядка.

Изменения и неопределённость генетически присущи капиталистическому способу производства. Ими проникнуты как эпохи подъёма буржуазии, так и периоды упадка и кризиса. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указывали на неопределённость как на одну из констант буржуазного общества: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянные перевороты в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. [...] Беспредельные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других»¹. В «Капитале» Маркс описал механизм процесса капиталистического производства: «Средство – безграничное развитие общественных производительных сил – вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью – увеличением стоимости существующего капитала»². Это проявляется в перманентном дисбалансе между основными силами буржуазного строя – постоянным и переменным капиталом, а также в возникновении диспропорций между различными отраслями производства, что представляет собой «постоянный процесс»³: «[Конфликт] противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие»⁴.

Капиталистический способ производства – это историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка»⁵. В материалистическом видении Маркса и Энгельса, изложенном в «Немецкой идеологии», природа и масштаб современной неопределённости обнаруживаются на мировом рынке: по мере того, как человеческая деятельность поднимается до универсального уровня, индивиды начинают чувствовать себя угнетёнными и подчинёнными чужой власти, «которая становится всё более массовой и в конечном счёте проявляется как мировой рынок»⁶. Для «массы рабочей силы» понимание природы этой власти, которая периодически подрывает условия её труда на своём рабочем месте и её материальное существование, требует принятия видения, которое выходит за

рамки собственного цеха, сектора или страны: «[Не] только временн[ая] потер[я] самой этой работы, как обеспеченного источника жизни, но и вообще совершенно непрочно[e] положени[e], – всё это предполагает, в силу конкуренции, существование мирового рынка»⁷.

Безудержный бум развития, читаем мы в «Манифесте», позволил буржуазии создать в первом столетии своего господства массу производительных сил большую, «чем [создали] все предшествовавшие поколения, вместе взятые»⁸. Но на определённом уровне капиталистического развития буржуазия ждёт судьба «волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями». Наступает кризис, толкающий общество «назад к состоянию внезапно наступившего варварства. [...] Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство». Буржуазия преодолевает кризис, «[с] одной стороны, путём вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путём завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых»; иными словами, «подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы»⁹. Эту концепцию мы найдём вновь, почти полвека спустя, в пророческой заметке Энгельса в III томе «Капитала», согласно которой в последней четверти XIX века произошло «увеличение продолжительности цикла», «произошли крупные изменения [...], каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса»¹⁰. Уже в 1848 году Маркс увидел в первых кризисах восходящей буржуазии смиренную рубашку производственных отношений, которая сделала её деструктивным классом, связанным уже не цепями феодального строя, но созданными ею самой производительными силами. В 1894 году на заре перехода капитализма к его высшей фазе – империализму Энгельс видел сопровождающееся катастрофами становление процесса, который апологеты капитала хотели видеть лишь в благодатной форме «созидательного разрушения».

Долговечность ставшего империализмом капитализма, наделённого колоссальной концентрацией финансового капитала и занятого разделом мировых рынков и ресурсов, объясняется не только контрреволюционной мощью бюрократического, военного и идеологического аппаратов государств, но также способностью к подкупу буржуазной рабочей партии. В циклах зрелого капиталистического накопления развитие и упадок, рост и стагнация чередуются, сочетаются и взаимопроникают, продлевая существование буржуазного способа производства. Это один из самых ясных выводов ленинского анализа, приведённого в «Империализме»: «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растёт, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран»¹¹.

В сочетании роста и разрушения, ускоренного неравномерного развития и умножения социального неравен-

ства и кроется та материальная основа острой неопределённости, которая подпитывает иллюзии и разочарования, идеологические конвульсии и фобии, которые периодически овладевают средними прослойками, проникая также в другие слои общества, в том числе пролетариат, и принося туда свои иррациональные, ксенофобские, антинаучные предрассудки.

В нашу эпоху развитие питает паразитизм, а паразитизм пожирает развитие. Зрелому капитализму требуются более высокие темпы роста производительности и инвестиций, чем темпы роста доходов и непроизводительного потребления, но обеспечение этого становится всё более трудной задачей из-за различных факторов: среди них сегодняшние тенденции демографических изменений, которые уже не просто прогнозируются, но всю реализуются, а именно старение населения, в частности экономически активного населения, увеличение его непроизводительной составляющей. Демографическая зима отражается на жизнеспособности всей общественной формации и социальных психологиях. Поэтому буржуазия должна увеличивать интенсивность эксплуатации, расширять свои запасы прибавочной стоимости не только в наиболее динамичных и молодых капиталистических странах, но и в старых метрополиях, прибегая к использованию женской рабочей силы и труда иммигрантов и даже к бесстыдной легализации и расширению сферы детского труда, даже в США.

Одним из результатов этой социальной динамики является рост частного и государственного долга. Живой прибавочной стоимости недостаточно, чтобы поддерживать накопление и кормить множество непроизводительных слоёв и слоёв-рантье; иногда даже прямое изъятие прибавочной стоимости и привлечение международных сбережений оказываются недостаточными, и возникает необходимость использовать будущую прибавочную стоимость, создавая взрывающиеся пузыри фиктивного капитала. Периодически буржуазия пытается сократить непроизводительные расходы своих государств, прежде всего за счёт сокращения расходов на социальное обеспечение, что становится необходимым, среди прочего, из-за старения самого населения и увеличения частоты кризисов.

Паразитизм пронизывает все буржуазные течения, будь то либеристские или протекционистские, националистические или популистские, пацифистские или милитаристские. Кризис парламентаризма на этой социальной основе принимает приступообразный характер и заражает все органы власти государства. Паразитизм, забивающий поры системы, становится социальным подтекстом империалистической демократии, которая теперь представляет собой «реакцию по всей линии»¹². В эпоху империализма демократия, чтобы оставаться его лучшей оболочкой, «не может не следовать своей исторической судьбе политической формы, которая способствует, а не препятствует развитию производительных сил, приводящему к загниванию и империалистическим конфликтам»¹³. Это и есть ленинская «гениальная концепция «реакционной демократии»¹⁴, пропитанная материалистической диалектикой, объясняет Черветто.

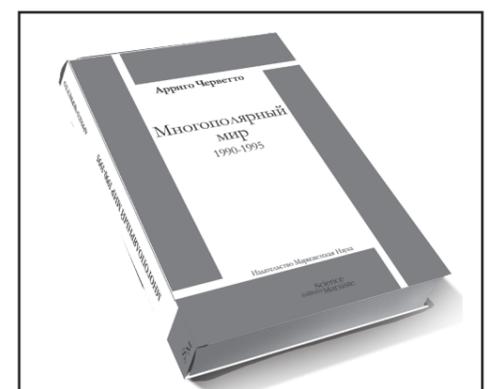
Теоретики и практики буржуазии пытались проникнуть в «тайну» капиталистической неопределённости, но

так и не приблизились к сути, открытой Марксом. Мервин Кинг, управляющий Банка Англии в период с 2003 по 2013 год, оказался у руля британской монетарной власти во время мирового финансового кризиса. Этот опыт послужил ему вдохновением для написания двух книг. В последней из вышедших книг, написанной совместно с английским экономистом Джоном Кеем, Кинг оценивает кризис 2007–2008 гг. как «провал экономического анализа и экономической политики» и пытается объяснить этот переворот и его последствия для рынков с помощью экономической теории, учитывающей социальные настроения, вводя формулу «радикальной неопределённости». Под ней они подразумевают неопределённость, которую «нельзя описать в вероятностных терминах», а можно «охватить» лишь посредством «повествования», которое, как они считают, является «наиболее мощным механизмом, доступным для организации нашего несовершенного знания». Любимый повествователь Кинга – это Лев Толстой с его «Войной и миром», потому что, по словам управляющего, именно он «понял радикальную неопределённость» войны и объяснил её, «смешав факт и вымысел».

Это кара, обрушившаяся на голову британского эмпиризма, который, будучи подавлен лавиной кризиса, становится свидетелем того, как рушится его вера в практический разум, лежащий в основе политики монетарной власти и её применения как искусства.

Lotta comunista, сентябрь 2023 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 427.
- 2 – Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 274.
- 3 – Там же. С. 282.
- 4 – Там же. С. 273.
- 5 – Там же. С. 274.
- 6 – Там же. Т. 3. С. 36.
- 7 – Там же. С. 34, 35.
- 8 – Там же. Т. 4. С. 429.
- 9 – Там же. С. 429, 430.
- 10 – Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 32.
- 11 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 422–423.
- 12 – Там же. С. 408.
- 13 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 121.
- 14 – Там же. С. 122.

Арриго Черветто
МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страниц, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография,
хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Борьба с коронавирусом

Итоги катастрофы

По решению Генерального директора Всемирной организации здравоохранения Тедроса Адханома Гебрейесуса с 4 мая коронавирусная болезнь 2019 (Covid-19) больше не имеет статуса «чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение» (ЧСЗМЗ).

Официальное объявление ЧСЗМЗ позволило ВОЗ, в соответствии с Международными медико-санитарными правилами (ММСП-2005), ввести ряд юридических ограничений и рекомендаций для государств-членов для облегчения международного реагирования. Пандемия, в отличие от этого, не «объявляется»: это эпидемиологический термин, обозначающий быстрое распространение заболевания на обширных территориях в мире, независимо от вирулентности возбудителя. Вспышка лихорадки Эбола в Западной Африке в 2014 году представляла собой ЧСЗМЗ, но не являлась пандемией. Распространение гриппа по всему миру можно охарактеризовать как «пандемию», однако только пандемия вируса H1N1 (свиного гриппа) в 2009 году была объявлена чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения.

Неопределённый ворох последствий

В течение 2023 года эпидемическая кривая Covid-19 продолжала идти на спад, за исключением взрывного роста в Китае после резкой отмены ограничений. Год назад, в начале октября, в мире по-прежнему регистрировалось более 400 тысяч новых случаев заболевания и 1500 смертей в день. Сегодня число новых случаев составляет две тысячи, а смертей – около двадцати. В течение пяти месяцев после объявления об окончании «чрезвычайной ситуации» в мире тем не менее было зарегистрировано 6,5 млн новых случаев заболевания и 30 тысяч смертей.

Месяц назад ВОЗ продолжала наблюдать «тревожные тенденции» в связи с приближением зимнего сезона в Северном полушарии. «Смертность растёт в некоторых частях Среднего Востока и Азии, в Европе увеличивается число пациентов, поступающих в отделения интенсивной терапии, а в ряде районов также растёт число госпитализаций» (пресс-конференция, Женева, 6 сентября). В следующем месяце в глобальном масштабе число новых случаев заражения и смертей снизилось. Рост был зарегистрирован в двух из шести регионов ВОЗ – Европе и Восточном Средиземноморье, в то время как в остальных регионах он снижился или оставался стабильным (ВОЗ, *Epidemiological Update*, 29 сентября).

Однако эти подсчёты являются весьма приблизительными. «Только 43 страны – менее четверти из 194 государств-членов ВОЗ – сообщают о смертельных случаях и только 20 предоставляют информацию о госпитализациях». Европейский центр по профилактике и контролю заболеваний (ECDC) также отмечает «значительное» ослабление эпидемиологического и вирусологического надзора в Европе. «Низкая частота тестирования пациентов с симптомами вносит существенную неопределённость в оценки количества случаев SARS-CoV-2», и поэтому «текущая доступность данных затрудняет оценку эпидемиологического статуса Covid-19» (ECDC, 24 августа и 7 сентября). Это относится и к секвенированию – незаменимому инструменту мониторинга мутаций вируса. Действительно, в большом семействе субвариантов и рекомбинантов, которыми продолжает обрастать «Омикрон», таятся неизвестные.

Возможно, один из них обладает большей способностью обходить иммунную защиту, обеспечиваемую вакцинами и перенесёнными ранее заболеваниями.

Реальность и восприятие

Эпидемиологи сомневаются в том, что SARS-CoV-2 перешёл в эндемическую фазу, приняв сезонный характер, характерный для многих респираторных вирусов. Правительства и общественное мнение, похоже, списали коронавирус вместе со связанными с ним мерами предосторожности в архив.

Так закончилась ли пандемия? Снижение числа заражений и уменьшение тяжести заболевания – совокупный эффект снижения вирулентности вируса, вакцин, естественно приобретённого иммунитета и лечебных мероприятий – являются необходимыми эпидемиологическими данными для ответа на этот вопрос. Историки болезней, такие как Джон Барри, автор книги о «великом гриппе» 1918 г., считают, однако, что ответ «*может лежать скорее в области социологии, чем эпидемиологии*», т. е. в области человеческого поведения (Таня Льюис. *Scientific American*. 14 марта 2022 г.). В конечном итоге, пишет Мауро Капоччи в *Le Scienze*, выходом из пандемии будет не столько снижение числа заражений, сколько «*прекращение восприятия ситуации в качестве чрезвычайной со стороны населения и институтов*» (28 августа). Стивен Филлипс, сотрудник Американского колледжа эпидемиологии, резюмирует: возвращение к нормальной жизни произойдёт тогда, когда «*большинство людей смирился с риском и последствиями воздействия вездесущего SARS-CoV-2*» (*Time*, 30 января).

Однако настало время подвести итоги. «Глобальный провал», по суровому заключению журнала *The Lancet*, имеет множество причин. Число смертей – это суммарный показатель катастрофы в здравоохранении, главная мера, прежде всего, большей или меньшей готовности и эффективности систем здравоохранения (от больниц до территориальной медицины), а также готовности и эффективности ответных мер со стороны правительств и местных администраций.

Недостаточность статистики

Уже неоднократно отмечалось, что официальные данные о количестве умерших от Covid-19 весьма необъективно отражают численность человеческих жертв пандемии. Неизвестное количество случаев не попало в статистику: инфицированные и умершие, которые не были зарегистрированы, не были правильно диагностированы или даже не имели доступа к медицинским услугам. На цифры, сообщаемые властями, влияют различная степень доступности диагностики (от тестов до радиологического оборудования) и эффективность работы служб здравоохранения и демографической статистики, если они не скрываются намеренно. Свидетельства о смерти часто бывают неточными или ошибочными, особенно в условиях переполненности кладбищ и крематориев. Даже применение международных стандартов сертификации Covid-19 как причины смерти не является единообразным.

Рядом исследовательских институтов была предпринята попытка оценить реальное число смертей, связанных с пандемией, путём сравнения общего числа умерших от всех причин в период пандемии со средними показателями за предыдущие годы. Разница между ожидаемыми смертями, основанными на исторических

тенденциях, и смертями, произошедшими во время кризиса, составляет «*избыточную смертность*», которая также включает смерти, косвенно вызванные вирусом, например, не состоявшееся лечение из-за сбоя в системе здравоохранения под влиянием пандемии.

Превышение средних показателей смертности давно является признанным в эпидемиологии показателем для оценки общего числа жертв кризисов в области здравоохранения, в том числе прошлых (например, пандемии «испанки» 1918 года), а также других стихийных бедствий.

Но и эти оценки являются грубыми. Системы учёта населения различны. Во многих странах статистические службы разрозненны или вовсе отсутствуют. По данным исследования, проведённого ВОЗ совместно с Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам в двухлетний период 2020–2021 годов, только 52 % стран располагают надлежащими для расчётов временными рядами. При этом наибольший процент – 96 % – наблюдается в Европе (по классификации ВОЗ), а наименьший – 13 % – в Африке («*The WHO estimates of excess mortality associated with the COVID-19 pandemic*», *Nature*, 14 декабря 2022 г.). Это объясняет близость, а в некоторых случаях и совпадение числа официальных и избыточных смертей от COVID, наблюдаемых в странах с более высоким уровнем доходов.

Цифры катастрофы

The Economist разработал модель расчёта «*действительного числа погибших от пандемии*» для 156 стран, используя цифры превышения смертности и 100 других статистических показателей, основываясь на имеющихся данных и используя оценки при их отсутствии.

По «*наилучшей оценке*» *The Economist*, реальное число жертв пандемии с официальных 7 млн увеличивается до 27 млн, причём «*с вероятностью 95 % истинная цифра составляет от 17,8 до 32 млн дополнительных смертей*» («*The pandemic's true death toll*», 12 октября). В обзоре ВОЗ только за 2020–2021 гг. избыточная смертность оценивается в 13,2–16,58 млн человек. По данным Института измерения и оценки здоровья (IHME), к 31 мая 2022 г. число умерших от Covid-19 могло составить 17,2 млн (*The Lancet*, 14 сентября 2022 г.).

По подсчётам *The Economist*, реальные потери населения в Европейском Союзе составили 1,7 млн человек против 1,2 зарегистрированных; в США – 1,4 против 1,1. Число погибших, превышающее официальные данные, значительно выше в Латинской Америке (2,7 млн против 1,2) и Азии, где разброс оценок гораздо шире, а средняя находится на уровне 14,5 млн погибших. Во многих географических регионах отклонение от цифр, предоставленных властями, огромно. Поражает показатель по России: официально заявлено 400 тыс. погибших, но оценка *The Economist* лежит в диапазоне от 1,2 до 1,7 млн человек. Для Китая эта цифра составляет 1,8 млн человек, для Индии – 7,4, а диапазон оценок – от 2,5 до 9,9.

Авторы рекомендуют относиться к этим цифрам крайне осторожно. Тем не менее, порядки величины дают представление о реальных масштабах пандемии, которая, несмотря на десятилетия предупреждений, застала неподготовленный мир врасплох. Если рассмотреть лишь некоторые страны с высоким уровнем доходов, имеющие развитые системы здравоохранения и эффективные статистические службы, и сравнить полученные данные с численностью

ПРОПУЩЕННЫЕ ПРИ ПОДСЧЁТЕ

Избыточная смертность на 100 тыс. жителей с начала пандемии по 12 октября 2023 г.; выборка государств. Источник: *The Economist*.

их населения, то расхождения окажутся значительными и заслуживающими дальнейшего изучения (см. график).

На смертность влияют многие факторы, в том числе и уровень вакцинации. Среди них и демографический. В Италии более высокую смертность связывают со значительной долей пожилого населения. Covid-19 чаще приводит к летальному исходу у пожилых людей и у носителей хронических заболеваний. Аналитическая группа *The Economist* попыталась скорректировать оценку избыточной смертности, включив в неё «фактор риска», состоящий из доли населения в возрасте 65 лет и старше. И снова оценка получилась «*крайне грубой*». Если рассматривать лишь некоторые страны ЕС, то «рейтинг» меняется незначительно. В Италии избыточная смертность на 100 тыс. жителей, по расчётам журнала, «падает» до 189, во Франции – до 99, в Германии – до 128.

Связь с государственными расходами на здравоохранение, конечно, не является механической, но тем не менее нельзя не учитывать, что государственные расходы на здравоохранение, повсеместно выросшие в период пандемии, в 2022 году составили 2,2 тыс. евро на душу населения в Италии, более 5 тыс. – в Германии и 3,9 тыс. – во Франции (ОЭСР). То, как системы здравоохранения противостояли воздействию пандемии, а также степень и устойчивость вызванных ею дисфункций, является ещё одним показателем последствий катастрофы в области здравоохранения.

Бонапартистский социализм

Борьба против эклектизма и оппортунизма в период действия Исключительного закона против социалистов дала результаты, которые хотя и были плодотворными, но не могли считаться окончательными: речь шла лишь о создании зачатков новой классовой партии, а вовсе не о завершении её строительства. Более того, как мы уже подчёркивали, немецкая социал-демократия с 1848 г. сохраняла мелкобуржуазную демократическую матрицу, а также влияющие лассальянские идеологии.

Государственный оппортунизм

В предисловии к русскому изданию «Писем И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге» Ленин так описывает 1880-е годы: «И с тех пор, особенно после смерти Маркса, Энгельс – можно без преувеличения сказать: неустанно – “перегибает палку”, искривляемую немцами оппортунистами»¹.

Эрнст Энгельберг в книге *“Revolutionäre Politik und Rote Feldpost, 1878–1890”* отмечает, что немецкий оппортунизм в эти 1880-е годы принял прежде всего форму государственного социализма, защищаемого, в частности, лассальянскими течениями, поддавшимися бонапартистским соблазнам Бисмарка. Чтобы решить социальный вопрос, порождённый капиталистическим развитием, последний проводил рабочую политику, сочетающую кнут закона против социалистов с пряником социальных реформ и государственного вмешательства. При Бисмарке были приняты три страховых закона: первый в 1883 г. о медицинском страховании; второй в 1884 г. о страховании от несчастных случаев; третий в 1889 году о страховании по старости, установивший пенсионный возраст в 60 лет.

Эти законы вызвали в социал-демократии линии разлома: между 1883 и 1885 гг. в партии среди лассальянцев и поклонников Родбертуса, таких как Карл Фроме, Макс Кайзер и Бруно Гайзер, появились сторонники мнимого бисмарковского социализма. Они, как пишет Жак Дро в своей *“Histoire générale du socialisme”*, «соединили свою концепцию демократического и этического социализма с признанием программы, улучшающей положение рабочего класса».

Фальшивый социализм

И в этом случае «Анти-Дюринг» также показал себя в качестве инструмента теоретической ясности. Энгельс указал в нём историческую тенденцию развития к государственному капитализму, напад на его политическую форму как на фальшивый социализм. Эта битва имела решающее значение именно в Германии, где царил лассальянский миф о государстве, причём в его прусской форме.

В примечании к «Анти-Дюрингу» Энгельс, ссылаясь на законы о социальном страховании, введённые канцлером в попытке разоружить пролетариат мерами «защиты рабочего», пишет: «[Особого] рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма»².

И если в примечании Энгельс ссылается именно на бисмарковские социальные реформы, то в основном тексте он рассматривает вопрос с более общей теоретической точки зрения, поясняя, что «ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил»³. А затем даёт мастерское определение буржуазного государства: «А современное государство для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист»⁴.

Sonderweg и государство всеобщего благосостояния

Дро указывает, что вдохновением для Бисмарка послужила политика государственного вмешательства «катедер-социалистов» и ассоциаций христианского патернализма. Марция Понсо в книге *“Una storia particolare. «Sonderweg» tedesco e identità europea»* уточняет, что хотя интерес к социальным реформам проявляли «христианско-социальные круги обеих религиозных конфессий», но именно католическая церковь, противостоящая протестантскому прусскому государству и становящаяся всё более «буржуазной», первой осознала всю остроту социального вопроса капиталистической эпохи: она разрабатывала его теоретически автономно, сопровождая свои собственные инициативы по оказанию помощи кампанией среди рабочих масс. С конца 1870-х гг. Партия Центра внесла существенный вклад в распространение законов о социальном обеспечении. Протестантизм, со своей стороны, в лучших традициях государственной церкви делегировал задачу обдумывания экономических вопросов государству.

Реформы Бисмарка создали первую в Европе систему социального обеспечения, несмотря на отставание Германии в индустриализации по сравнению с другими европейскими странами. Среди теоретических источников, которые позволили Германии добиться этого первенства, Понсо называет «специфическую интеллектуальную традицию, восходящую к камерализму», и идеи Лоренца фон Штейна, который под влиянием Гегеля и французского утопического социализма желал для Германии «третьего пути» в форме «монархии, которая была бы основана на социальной реформе и возвышалась бы над классовым противостоянием». Понсо пишет: «Связь между камералистской концепцией государства и либеральной идеей правового государства была центральным элементом исторической школы национальной экономики, которая должна была представлять собой “этическую науку”, служащую для справедливого распределения богатства и преобразования социального конфликта».

Наряду с этими аспектами доктрины Понсо подчёркивает и другие структурные элементы немецкого *Sonderweg*⁵: «В Германском рейхе капитализм принял своеобразные формы, поскольку здесь именно государство дало импульс и “подтолкнуло” индустриализацию, что-

бы наверстать экономическое отставание от западных конкурентов». Эта роль государства, противоречащая либеризму, который был выражением экономического преимущества Великобритании, подразумевала проведение форсированной индустриализации, социальные последствия которой смягчались той же самой государственной властью.

Понсо, следовательно, выдвигает тезис, напоминая выводы историка Германа Онкена. Среди решающих элементов, приведших к возникновению немецкого *Sonderweg* и связанных с ним политических форм, была «трагическая одновременность всех важнейших проблем современности»: «образование национального государства, конституционный вопрос, превращение в великую державу, обострение социального вопроса вместе с процессом индустриализации». Все эти факторы и обуславливали ту или иную степень «остроты кризиса модернизации».

Прусский бонапартизм

Законы о социальном обеспечении являлись составной частью «прусского бонапартизма», описанного Энгельсом в работе 1872 г. «К жилищному вопросу»: «В действительности и в Германии государство в том виде, в каком оно там существует, есть необходимый продукт того общественного основания, из которого оно выросло. В Пруссии – а Пруссия играет теперь решающую роль – наряду со всё ещё сильным крупнопоместным дворянством существует сравнительно молодая и крайне трусливая буржуазия, которая до сих пор не завоевала ни прямой политической власти, как во Франции, ни более или менее косвенной, как в Англии. Но рядом с этими двумя классами существует быстро увеличивающийся, интеллектуально очень развитый и с каждым днём всё более и более организующийся пролетариат. Таким образом, наряду с основным условием старой абсолютной монархии – равновесие между земельным дворянством и буржуазией – мы находим здесь основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом». Такова была особая трёхклассовая диалектика немецкого общественного устройства. Однако в прусской государственной форме, уточняет Энгельс, государственная власть – прерогатива «особой офицерской и чиновничьей касты», бюрократии, автономия которой «придаёт государству видимость самостоятельности по отношению к обществу»⁶.

В «Критике Готской программы» 1875 г. Маркс предлагает принципиальный синтез этих черт, определяя прусское государство как «обшитый феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»⁷.

Эта прусская государственная форма, продолжает Энгельс, есть та особая оболочка, в рамках которой совершается «переход абсолютной монархии в бонапартистскую». Бисмарк исторически воплотил этот процесс, реализовав программу германской буржуазии, которая, с одной стороны, была «слишком труслива, чтобы энергично защищать свои требования», а с другой – сопротивлялась «всякой уступке, если только эта уступка [давала] в то же время новое оружие в

руки угрожающего ей пролетариата». Поэтому, предупреждает Энгельс, «если государственная власть, то есть Бисмарк, пытается организовать себе собственный лейб-пролетариат, чтобы с его помощью держать в узде политическую деятельность буржуазии, то что же это, как не необходимая и хорошо известная бонапартистская уловка»⁸.

Буржуазное бонапартистское государство

В заметках к работе Эрика Мольнара *“La politique d’alliances du marxisme”* Арриго Черветто указывает на определение Энгельсом понятия «прусская бонапартизм», обновлённое с учётом дальнейшего капиталистического развития и подчинения прусского государства буржуазии. В предисловии 1874 г. ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» Энгельс уточняет, что бюрократия играет автономную роль также и по отношению к юнкерам. Так что это была буржуазная форма государства. Потому что она защищала юнкеров и буржуазия от пролетариата, следовательно, защищала капиталистическое развитие»⁹.

О том, что прусский бонапартизм становился всё более буржуазным, свидетельствуют противоречия, которые возникли между Бисмарком и юнкерами, в той мере, в какой он выступал за ликвидацию феодальных пережитков, преодоление партикуляризма в рамках федеративной формы национального объединения и возвышение рейха до уровня великой державы. Понсо пишет, что юнкеров беспокоила «его *Realpolitik* свершившихся фактов, которая больше не основывалась на договорах 1815 года, а произвела революцию в международном порядке Европы и расторгла союз с Габсбургской монархией». Они опасались, что «объединение с Гессеном, Баденом, Вюртембергом» может «привести к национал-либеральному большинству в парламенте». Ещё одним поводом для конфликта являлась *Kulturkampf* против партикуляризма Партии Центра. Однако с 1878 г. страх перед восхождением социал-демократии мотивировал Бисмарка и католическую церковь пойти на сближение.

В период рабочей политики Бисмарка, длившийся более четверти века, социал-демократия прошла решающее обучение, проявив себя способной утвердить – посредством изучения, организации и пропаганды – историческое преимущество пролетариата, класса, на котором и держалась его власть в частности и весь капиталистический способ производства в целом. Ни подавление законами против социалистов, ни христианская государственная опека не могли изменить объективно революционный характер нашего класса.

Lotta comunista, март 2023 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 15. С. 238.
2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 289.
3 – Там же. С. 289–290.
4 – Там же. С. 290.
5 – Особого пути.
6 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 18. С. 254.
7 – Там же. Т. 19. С. 28.
8 – Там же. Т. 18. С. 255, 256.
9 – Cervetto A. Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e Marxismo. Milano: Lotta comunista, 2019.

Стратегическое арабского и израильского

Внезапное нападение, совершённое ХАМАС 7 октября на границе Израиля и палестинского анклава Газа, было охарактеризовано газетой *Le Monde* как «землетрясение в сфере политики и безопасности» на Большом Среднем Востоке и «граната», брошенная на стол идущих в настоящее время по инициативе США переговоров по поводу нормализации дипломатических отношений между Эр-Риядом и Тель-Авивом. Атака исламистского военно-политического движения ХАМАС является беспрецедентной, если учесть её методы, массированное вторжение на территорию Израиля и уровень «жестокости» (более 1 тыс. жертв и около 200 заложников).

Братья-враги по прибавочной стоимости и сегрегированный пролетариат

Речь идёт не только о мирных жителях: погибло почти триста военнослужащих, чего никогда не было в предыдущих столкновениях с ХАМАС в Газе, а также с «Хезболлой» в ливанском конфликте 2006 года. И дело не только в гибели евреев: учинённый ХАМАС акт реакционного терроризма унёс жизни в том числе рабочих арабско-израильского происхождения, то есть палестинцев, или друзов, а также тайских, филиппинских и непальских рабочих-иммигрантов, которые трудятся в сегодняшних кибуцах. В 2022 году, по данным МОТ и правительства Тель-Авива, в Израиле насчитывалось 140 тыс. рабочих-иммигрантов с палестинских территорий, в том числе 15–20 тыс. из Газы, и почти 140 тыс. рабочих-иммигрантов из других стран. С 2018 года Израиль заключил двусторонние соглашения о притоке иностранных рабочих с несколькими азиатскими странами; Таиландом, Филиппинами, Непалом, Индией и даже Китаем, – охватывающие такие сектора, как сельское хозяйство, строительство, промышленность и здравоохранение.

Использование разрешений на работу, как на Западном берегу реки Иордан, так и в Газе, сближает израильскую буржуазию с палестинской, включая террористическую фракцию последней, которая эксплуатирует

фактическую сегрегацию арабского пролетариата. Заработная плата, выплачиваемая буржуазией Израиля, становится налоговыми поступлениями для буржуазии Рамаллаха и Газы. Это часть *modus vivendi*, установленного Тель-Авивом и ХАМАС и дополняемого согласием Израиля, по крайней мере с 2009 года, на финансирование Катаром зарплат чиновников и административного персонала ХАМАС в секторе Газа в размере примерно 1 млрд долл. в год. Репрессии Израиля в ответ на бойню ХАМАС на данный момент привели к более чем 5 тыс. жертвам и примерно 600 тыс. перемещённым лицам при общей численности населения Газы 2,2 млн человек.

«Скороварка»

В интервью газете *Le Grand Continent* бывший посол Франции в Израиле Жерар Аро сравнил сектор Газа со «скороваркой», в которой взрывы насилия следуют один за другим с регулярностью в 3–5 лет: за более или менее эффективной атакой ХАМАС следует «жесткий ответ со стороны Израиля», за которым, в свою очередь, через некоторое время следует посредничество, обычно со стороны Египта, с просьбой о прекращении огня или *худна* (по-арабски, перемирие) до следующего взрыва. В этот раз произошёл взрыв большей силы, чем обычно. Разница заключается в сложности операции, которая своим «неоспоримым тактическим успехом» нанесла Израилю «невероятный психологический шок»: правительство и вооружённые силы были застигнуты врасплох и оказались беспомощными. Захват более 200 заложников, добавляет Аро, «является беспрецедентным шоком», который затруднит ответные действия Израиля. Рост числа жертв среди палестинцев Газы приводит различные арабские страны, общественное мнение которых в основном пропалестинское, в «крайнее замешательство», осложняя работу по дипломатической нормализации отношений между Эр-Риядом и Тель-Авивом, которые если и «не [были] женаты, то делили постель десять лет», исходя из принципа «враг моего врага – мой друг», так как их общим противником является Тегеран.

«Мегаделка», то есть распространение Соглашений Авраама 2020 года на Саудовскую Аравию, над которым работала администрация Байдена, представляла собой «большой дипломатический успех Трампа» и «деликатный вызов для Эр-Рияда»: саудовская династия является хранительницей святых для мусульман мест Медины и Мекки и не может игнорировать Израиль, где установилось «крайне правое правительство», «радикальные элементы которого призывают к восстановлению Храма Соломона», на руинах которого в своё время была построена мечеть «Аль-Акса». Соглашение между Эр-Риядом и Тель-Авивом, продолжает Аро, «стало бы историческим разрывом», поэтому понятно, что общий интерес ХАМАС и Тегерана заключается «в срыве соглашения». Сегодняшний кризис, как и насильственное подтверждение того, что палестинский вопрос не ре-

шён, помешает намерениям Эр-Рияда по сближению с Тель-Авивом.

Мини-война Судного дня со стороны ХАМАС

Нападение ХАМАС совпало с 50-летием начала арабско-израильской войны, известной как Война Судного дня (6–25 октября 1973 года). *Le Monde* считает, что эта акция, то есть преодоление высокотехнологичного барьера безопасности, сдерживающего сектор Газа, который израильская армия (ЦАХАЛ) провозглашала «непреодолимым», была призвана напомнить о пересечении Суэцкого канала и прорыве израильской системы обороны на Синайском полуострове – «линии Бар-Лева», оказывавшей «неоспоримое влияние на воображение арабов».

По мнению историка и бывшего посла Израиля во Франции Эли Барнави, «мини-война Судного дня», начатая ХАМАС, как и война 1973 года, скорее всего, «нарушит региональный баланс», но, как и тогда, это «предсказуемое событие», а не «божественный план». Во всяком случае, она стала результатом действия двух факторов – «фанатичной исламистской организации» и «глупой израильской политики», за которую цеплялись «сменяющиеся правительства» и которая наконец привела к «накалу». За прошедшие годы в процессе определения баланса сил «право инициативы» перешло к ХАМАС, которое получило возможность определять «интенсивность пламени» противостояния исходя из собственных интересов. Когда, например, Катар не демонстрировал необходимую щедрость или оперативность в финансировании, достаточно было запустить «ракетный залп», чтобы втянуть Израиль в конфронтацию, которая заканчивалась эфемерным прекращением огня после спирали жертв.

По мнению Барнави, для достижения решения было бы необходимо иметь израильское правительство, которое «политически реабилитирует ПНА и экономически Газу» вместо того, чтобы сохранять разделение «палестинской территории на две части», позволяющее ХАМАС консолидироваться. Это разделение – и есть цель, к которой стремится Тель-Авив, и для её достижения ему оказалось полезным ХАМАС. Биньямин Нетаньяху, со своей стороны, чтобы избежать личных проблем с законом, «заключил фаустовский пакт» с «мессианско-религиозными националистами», которые, по мнению Барнави, являются «еврейской версией ХАМАС». Этот пакт спровоцировал «гражданское восстание в Израиле» в обстановке «скрытой гражданской войны» и подорвал сплочённость вооружённых сил и служб безопасности. За всем этим внимательно следят ХАМАС, Хезболла и Иран.

Накануне нападения, добавляет Барнави, на западном берегу реки Иордан (в г. Наблус) был развёрнут целый армейский батальон, чтобы защитить «библейский урок и общественную молитву», тогда как было бы полезнее защищать поселения вокруг сектора Газа. Как и в войне 1973 года, Израиль проявил высокомерие и самоуспокоен-

ность и был за это наказан «большим унижением», учитывая, что тогда столкновение происходило между сверхвооружёнными регулярными армиями, а сегодня, несмотря на то что ХАМАС многому научилось, оно не имеет силы, сопоставимой с силой ЦАХАЛ – самой мощной и передовой армии в регионе.

Realpolitik и «циничная синергия»

По мнению политолога Рана Халеви, ХАМАС «во имя джихада» (священной войны) забыло о *realpolitik* и вытекающем из неё прагматизме традиции «Братьев-мусульман». Однако большинство израильтян «выступают против длительной оккупации сектора Газа». И неясно, кто сможет заменить ХАМАС, если оно будет искоренено. Лучшим решением в «войне без реального решения» было бы «ослабить его настолько, чтобы не дать ему двигаться», но «не уничтожить его».

Аналогичную оценку высказал в журнале *The Economist* бывший премьер-министр Израиля Эхуд Барак, считающий, что Израиль может поставить перед собой цель ликвидировать военное крыло ХАМАС, насчитывающее в настоящее время 35 тыс. ополченцев по сравнению с 5–10 тыс. в 2009–2014 годах, вверив затем сектор Газа «арабским миротворческим силам». И «Гаарец», и консервативная газета *The Jerusalem Post* сомневаются, что Тель-Авив, оккупировав сектор военным путём, сможет навязать ему Палестинскую национальную администрацию (ПНА), которая будет «держаться на израильских штыках». Необходимо также учитывать и риск, упоминаемый *Financial Times*: вероятность того, что Газа может стать эквивалентом Афганистана или Сомали, контролируемого вооружёнными бандами и всевозможными полевыми командирами, как это происходит со столицей Сомали Могадишо на протяжении последних 30 лет.

Мы же, в соответствии с нашим анализом, считаем, что *realpolitik* ХАМАС, а также Израиля, представляет собой «циничную синергию» между двумя буржуазиями: нападения, ракетные залпы и бомбы функциональны как для стратегии «разделяй и властвуй» Тель-Авива, так и для судьбы электоральной кампании израильских правых (Ракеты, избирательные урны и коалиции в войне в Газе // Пролетарский интернационализм. 2021. Август. № 84). Как отмечает газета *Le Monde*, всё это послужило созданию политического пространства для ХАМАС, которое смогло утвердиться в качестве единственного хранителя «палестинского национализма», в том числе благодаря дискредитации организаций со светской матрицей, таких как ФАТХ и ПНА, которую наблюдатели сегодня воспринимают как «придаток» еврейского государства.

Ученик чародея и его Голем

Палестинский пролетариат оказался под властью реакционного терроризма, которым манипулирует нефтяная арабская буржуазия, и расплачивается за это кровью, но то же самое касается и израильского пролетариата, который расплачивается

Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология
ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

банкротство национализмов

за невежественность своей собственной буржуазии. Как пишет историк Ян Блэк, главный сионистский профсоюз Гистадрут накануне 1930-х годов отказался от «старой идеи совместной арабо-еврейской федерации профсоюзов», которая «никогда не имела большого успеха» (Black I., *Enemies and Neighbors*, 2018). Лишь начиная с 1966 года, вспоминает историк и политолог Сами Коэн, «арабо-израильские рабочие были приняты в ряды профсоюзов [...], в которых они представляли собой один из самых боевых компонентов» (Cohen S., *Israel, A Fragile Democracy*, 2021).

Нетаньяху, которого его сторонники называют *Накосем* (волшебник), в своём беспринципном применении власти и циничной синергии с ХАМАС в конечном итоге создал то, что в еврейском фольклоре называлось *Големом* – существом с человеческими чертами, сделанным из глины, которому приписывалась способность, как защитить еврейский народ от преследователей, так и выйти из-под контроля и высвободить разрушительную силу. «Гаарец», историческая сионистская газета, основанная в 1919 году, напоминает слова премьер-министра, сказанные в марте 2019 года на вечеринке с руководством «Ликуд». Эти заявления в своё время были опубликованы *The Jerusalem Post*: «Передача денег [ХАМАС] является частью стратегии по разделению палестинцев в секторе Газа и на Западном берегу [реки Иордан]. Любой, кто выступает против создания палестинского государства, должен поддержать перевод денег из Катара в ХАМАС». Это заявление в мае 2019 года повторил генерал в запасе Гершон Ха-Коэн в интервью основанной в 1939 году и одной из самых распространённых израильских газет «Едиот ахронот»: «Правда должна быть сказана. Стратегия Нетаньяху состоит в том, чтобы предотвратить вариант создания двух государств, поэтому он превращает ХАМАС в своего ближайшего партнёра. Публично ХАМАС – враг, втайне – союзник».

На протяжении всей своей политической карьеры Нетаньяху с большой беспринципностью ехал верхом на двух тиграх. Первый – это движение переселенцев, стремясь сменить Ариэля Шарона во главе «Ликуд» и, по мнению наблюдателей, подчёркивая «охранительный популизм», усиливающий политическую поляризацию Израиля. Второй – это циничная синергия с ХАМАС. Нынешний кризис заставил Нетаньяху согласиться на формирование «военного правительства» с участием главы основной оппозиционной группы Бени Ганца, бывшего генерала, пришедшего в политику в 2018 году, но без включения министров крайне правого толка. В голосе в поддержку отставки Нетаньяху нет недостатка, и его политическая карьера, похоже, подошла к концу: в пример часто приводят прецедент ливанского конфликта 1982–1985 годов, который привёл к отставке Менахема Бегина, заменённого Ицхаком Шамиром. Это произошло, когда война превратилась в военную трясину для ЦАХАЛ, а также из-за массовых убийств в лагерях беженцев Сабра и Шатила, устраиваемых фалангистами-маронитами в

Близорукость, популистский оппортунизм и стратегическая катастрофа

«Нетаньяху должен уйти в отставку сегодня же. Всего десять дней назад он утверждал, что сдерживание ХАМАС работает и что оно не хочет войны, чтобы не поставить под угрозу свои экономические результаты, то есть большие суммы денег, получаемые от Катара, и увеличение числа подённых рабочих в Израиле, которые платят ХАМАС налоги. На эти деньги ХАМАС купило оружие, чтобы устроить резню. По тем же причинам военные перебросили людей на Западный берег [реки Иордан] для защиты религиозных ультра-националистов и паломников на Храмовую гору, которые, очевидно, оказались в тысячу раз важнее, чем те немногие люди, которые жили вокруг Газы. [...] Реальная экзистенциальная угроза для Израиля состоит в том, что он доверил судьбу страны и заложников некомпетентному и коррумпированному правительству. Как только ситуация на фронте стабилизируется, необходимость в чрезвычайном правительстве отпадёт. Нетаньяху и другие лица, ответственные за катастрофу, будут отстранены и привлечены к ответственности».

מאיר «Гаарец», 10 октября.

«Атака октября 1973 года была вызвана высокомерием генералов и чрезмерной зависимостью правительства от их мнения. Атака 7 октября 2023 года стала продуктом извращённого списка приоритетов правительства, созданного в январе прошлого года, с его ненужным акцентом на судебную реформу и капитуляцией перед финансовыми и политическими интересами своих ультраортодоксальных членов. Не нужно быть политологом, чтобы понять, что эта коалиция уделяла меньше внимания безопасности границ с сектором Газа, чем закону, который позволял предотвратить отстранение Нетаньяху от должности премьер-министра. [...] Правительство рассматривало угрозу со стороны ХАМАС на юге лишь как отвлечение от по-настоящему важных вопросов, таких как ослабление судебной власти или освобождение ультраортодоксов от военной службы. Вывод однозначен: уходите! Ответственные за катастрофу не должны оставаться у власти. Их уход со сцены жизненно важен для победы в войне и восстановления экономики и общества после её окончания».

ידיעות אחרונות «Едиот ахронот», 10 октября.

«Бени Ганц и Яир Лапид должны присоединиться к правительству национального единства, даже если многие просят не делать этого, опасаясь коррумпированных двойных агентов. [...] Многие хотят отговорить их от придания легитимности шуту, занимающемуся национальной безопасностью. В обычное время они были бы правы. [...] Израилю необходимо единство, чтобы вооружённым силам не приходилось не доверять руководству в бою или бояться его решений. [...] Любой, кто думает о своей личной ситуации сейчас, когда Израиль находится в состоянии войны, не заслуживает роли лидера».

מאיר «Маарив», 11 октября.

«Израиль является заложником политиков-экстремистов [...], было бы лучше, если бы их убрали из центров принятия решений. Любой разумный человек мог бы увидеть, что катастрофа неминуема, и забить тревогу, [...] но Нетаньяху не послушался. [...] Суть заключалась [...] в том, что проблеме можно было отложить и считать, что палестинский вопрос решится, поскольку Объединённые Арабские Эмираты, Бахрейн и Марокко подписали соглашения о нормализации, а Саудовская Аравия уже собиралась это сделать. И Израиль предпочёл игнорировать тот факт, что палестинцы останутся не в Вашингтоне, не в Лондоне, не в Эр-Рияде, а в Газе, и что тому, кто не решит проблему, придётся столкнуться с ещё большей. Такая политика или её отсутствие сопровождали Израиль на палестинской арене в течение пятидесяти шести лет, а в секторе Газа в течение двадцати лет. Хуже того, Израиль решил ослабить ПНА и усилить ХАМАС. Он видел в нём партнёра и следил за тем, чтобы оно получало деньги, работников и статус. [...] ХАМАС получило то, что дал ему Израиль, и это цена, которую заплатил последний. Пустота стратегических решений вылилась в израильский политический хаос последних месяцев».

ישראל היום «Израэль хайом», 11 октября.

«В этой войне виноват Нетаньяху. Он культивировал ХАМАС как стратегического партнёра и питал иллюзию, что его можно купить за катарские деньги. Более того, он менял министров обороны, как перчатки, сея в оборонной системе ту же нестабильность, что и в политической, раздувая и одновременно обесценивая правительство, нанося вред государственной службе и попадая на суды. Хуже того, он разделил израильское общество и, следовательно, заставил врага поверить в то, что момент для нападения созрел. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что то, что поразило нас, в конечном итоге отстранит его от власти и оставит клеймо на его карьере».

אמוץ אסא-Эль, экс-редактор, *JERUSALEM POST*, 13 октября.

«Начиная с 2014 года и тем более после этого мы продолжали слышать, что ХАМАС претерпело своего рода метаморфозу, что его функции по управлению Газой стали более умеренными, и что его единственная функция – управление. Однако слепое пятно не позволило нам увидеть то, что было прямо перед нашими глазами, а именно идеологическую мотивированность ХАМАС. Не то чтобы оно это скрывало, мы просто предпочитали этого не видеть. С 2009 года политические лидеры говорят нам, что мы должны усилить ХАМАС и ослабить ПНА. [...] ХАМАС – это монстр, созданный Израилем, самой мощной державой в регионе, и этот монстр нанёс нам удар такой силы, какой не удавалось никому прежде».

Ави Иссахаров, бывший главный редактор газеты «Гаарец» в Газе и автор сериала «Фауда». Из интервью газете ידיעות אחרונות «Едиот ахронот», 16 октября.

присутствии израильских войск. Тогдашний министр обороны Шарона сочли «косвенно ответственным» за это и заставили уйти в отставку.

Прецедент 1973 года

По мнению историка Бенни Морриса, в 1973 году Египет и Сирия «не стремились уничтожить еврейское государство [...], осознавая, что эта цель была для них недостижима и что, если бы Израилю угрожало уничтожение, то он использовал бы атомное оружие, которым уже обладал». Целью Египта было завладеть полосой территории на восточном берегу Суэцкого канала и поколебать «дипломатическое бездействие Израиля, международного сообщества» и великих держав. Дамаск стремился вернуть себе Голанские высоты и, прежде всего, «смыть позор 1967 года» и всей арабской истории начиная с 1948 года, что «принесло бы обоим режимам богатые награды», включая «финансовые вклады богатых нефтяных монархий». В любом случае ни Египет и Сирия, ни их арабские союзники не вели борьбы за интересы палестинского национализма.

Для Израиля конфликт был «холодным душем»: он привык к «блестящим победам и успокаивающей уверенности в военной и политической некомпетентности своих противников». Впервые многие израильтяне задавались вопросом, как долго можно будет удерживать оккупированные территории силой и стоит ли «рассмотреть бартер мир в обмен на территории» (Morris B., *Righteous Victims*, 2001). На внутривнутриполитическом уровне триумф 1967 года и потрясение 1973 года, связанное с кризисом местной лейбористской партии и подъёмом «Ликуд» – израильской националистической правой партии, основанной Шароном и Бегиним вскоре после конфликта, также породили движение переселенцев – отпрыска «сионистского лейборизма и крайне правых религиозных сил», – которое из силы, находящейся в меньшинстве, в конечном итоге в своих различных изводах стало решающим для формирования правительственных коалиций благодаря строго пропорциональной избирательной системе (Gorenberg G., *The Accidental Empire*, 2006; Zertal I., El-dar A., *Lords of the Land*, 2007).

Многие источники напоминают, что поселение предшественников ХАМАС в секторе Газа, с 1948 года усеянном лагерями беженцев, было положительно воспринято правившими после 1967 года лейбористскими правительствами как «консервативный религиозный элемент», противостоящий Организации освобождения Палестины; с началом второй интифады в 2000 году ХАМАС стало неуправляемым и способствовало дальнейшей фрагментации палестинского национализма, уже побеждённого в 1993 году (Filiu J. P., *Histoire de Gaza*, 2012; Bregman A., *Cursed Victory*, 2017).

Крупномасштабная резня, устроенная ХАМАС, может оказаться роковой авантюрой в его стремлении утвердиться в качестве палестинской национал-исламской партии, но пока она оказывается ядовитым блюдом для еврейского государства с его аннекционистской политикой, которое усиливает политическое нарушение равновесия в Израиле и провоцирует внутреннее межконфессиональное столкновение.

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

Крупные группы Европы в 2022 году

Протекционистские искушения перед лицом

В прошлом году, как и в 2021-м, инфляция и, в частности, рост цен на энергоносители, вызванные украинской войной, поддержали доходы и прибыли крупных европейских групп из различных проанализированных нами секторов. В секторах энергетики и коммунальных услуг наблюдается показатель +57 % по обороту и +9,8 % по прибыли; в телекоммуникациях – +106 % по прибыли (в основном благодаря результату Vodafone); в автомобилестроении и строительстве – +16 % и +22 % по доходам; в транспортном секторе – +25 % по доходам и +68 % по прибыли (в связи с постковидным восстановлением туризма и замедлением роста фрахтовых ставок в секторе морских перевозок).

В последнем появились такие гиганты, как швейцарская MSC. Она не входит в наш рейтинг, поскольку не публикует свои годовые результаты, но существует оценка, что 2022 г. она закрыла с прибылью в 30 млрд евро, что делает её ведущей мировой компанией в области контейнерных перевозок и обеспечивает место в большой тройке круизных компаний.

Банковский сектор выиграл от роста ставок, завершив год с результатом +11 % по доходам, но с -0,6 % по прибыли из-за тяжёлых убытков Credit Suisse.

Тот факт, что 92 из 100 проанализированных нами групп увеличили свой оборот (в ковидном 2020 г. их было лишь 19) и только 43 сократили штат (69 в 2020 г.), говорит о восстановлении. 100 крупнейших групп закрыли год с результатом +22,8 % по доходам, +4,2 % по прибыли и +1,4 % по занятости. Последний показатель был обеспечен благодаря +26,5 % в строительстве и машиностроении. В рейтинг входят 26 французских и 25 немецких групп, а это значит, что когда мы говорим о европейской оси Париж – Берлин, то имеем на это объективные причины.

Электрическая реструктуризация автомобилестроения

В глобальной битве за реструктуризацию электроэнергетики Европа рассматривается как главное поле противостояния, о чём свидетельствует история с автомобилями. В I квартале 2023 г. Китай обошёл Японию как ведущего мирового экспортера, поставив 1,07 млн автомобилей против 945 тыс., а Германию он обогнал ещё в 2022 г. Предполагается, что к концу года китайский экспорт достигнет 4,1 млн автомобилей, из них 1,3 млн будут на электрическом приводе, а к 2030 г. – 9 млн, что составит 30 % мирового рынка. Отметим, что преимущество Европы заключается в стоимости экспортированных автомобилей, а не в их числе, и это преимущество никуда не делось. Кроме того, значительная часть китайского экспорта может быть прямой или через совместные предприятия связана с иностранными группами: так, крупнейшим экспортёром автомобилей из Китая является Tesla.

Еврокомиссия начала расследование по делу о государственных субсидиях, выделяемых Пекином на развитие сектора электромобилей и снижающих их стоимость на 20–25 %. Это касается даже моделей, произведённых в Китае западными компаниями. В сфере электрификации доля европейского рынка в производстве продукции выросла с 0 до 8 % за 3 года и может вырасти до 15 % к 2025 г. Вызывают опасения избыточные производственные мощности Китая, оцениваемые в 5,7 млн в 2021 г. и 15 млн в ближайшие несколько лет, при этом около 100 групп ежегодно выпускают на рынок 80–100 новых моделей. В 2022 г. в Европу прибыло 500 тыс. китайских автомобилей, половина из них были электрическими, и на них взималась пошлина всего 10 %, тогда как в США она составляет 27,5 %. Споры о тарифах на китайские автомобили и дело о субсидиях

являются оружием борьбы внутри Европы и между европейцами и американцами.

Противостояние с Пекином

Открывается конфронтация с Пекином, но потенциально также и с США, которые субсидируют свой сектор электромобилей в соответствии с “Inflation Reduction Act” (IRA). Немецкие производители, треть прибылей и доходов которых приходится на Китай, встревожены. Однако противостояние инициировано французами во главе с Renault, которые помимо Луки Де Мео также представлены президентом ACEA (европейского автомобильного лобби) и Stellantis, контролирующей FIAT, PSA, Opel и Chrysler и сворачивающей производства в Китае во избежание возможного возмездия в случае обострения геополитической напряжённости.

Брюссель опасается, что в автомобильном секторе произойдёт то же самое, что в производстве солнечных панелей, где недорогие китайские продукты потеснили европейские. В конечном итоге тарифы могут вырасти. *Financial Times*, выступающая против европейского протекционизма, так как её интересует судьба английских автомобилей, которым после брексита также угрожают тарифы, напоминает, что пошлины ЕС на китайские солнечные панели, введённые в 2013 г., были отменены в 2018-м, когда стало понятно, что цели по производству солнечной энергии не будут достигнуты.

Автомобильный эксперт Фердинанд Дуденхоффер пишет во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* об «ужасном сценарии для немецкой автомобильной промышленности», поскольку она рискует пострадать от реакции Китая, в то время как французские группы находятся в укрытии, находясь вне этого рынка. Ещё неизвестно, не ускорит ли угроза со стороны Брюсселя прямые инвестиции Пекина в производство автомобилей в Европе: например, австрийская Magna International уже ведёт переговоры о производстве китайских автомобилей.

По словам аналитика Jefferies, расследование даст европейским группам двухлетнее окно. По мнению AlixPartners, китайские компании стремятся занять 4–5 % европейского рынка к 2027 г. по сравнению с 2,3 % в первой половине 2023-го. Однако в Китае доля продаж местных брендов превысила 50 % только в этом году, что является признаком того, что пока там доминируют иностранные группы.

По данным Jato Dynamics, в 2022 г. по всему миру было продано 79,4 млн автомобилей (-2 %): электромобилей и подключаемых гибридных автомобилей – 7,37 млн (+66 %), и их доля на рынке выросла с 5,5 до 9,3 %, при этом в Китае она составляет 15,6 %, а в ЕС – 12,2 %.

В I полугодии 2023 г. Renault оставила период убытков позади, получив прибыль в 2,1 млрд евро, и разрешила давний спор со своим партнёром Nissan, передав 28,4 % японской группы в траст, чтобы уравнивать перекрёстное участие на уровне 15 %. Также компания укрепляет альянс (в который также входит Mitsubishi Motors) в сфере электромобилей: Nissan инвестирует 600 млн евро в Ampere – компанию, созданную Renault путём отделения её от деятельности по производству автомобилей с ДВС. В этот сектор вошла Geely – китайская группа, контролирующая Volvo, Polestar и Zeekr. Её владелец Ли Шуфу является ведущим акционером Daimler с 10 %, а также саудовского нефтяного гиганта Aramco, специализирующегося на альтернативных видах топлива, так же как ENI и TotalEnergies. Приведём значимую оценку МЭА (Международного энергетического агентства), согласно которой в 2023 г. количество электромобилей вырастет до 14 млн, что составит 18 % от общего объёма продаж по сравнению с 4 % в 2020-ом; пик добычи нефти мы увидим в 2030 г., в том числе благодаря развитию

электрификации, которая снизит спрос на нефть на 5 млн баррелей в день.

И Renault, и Stellantis, вовлечённые сейчас в жёсткую конфронтацию по поводу контракта в США, критикуют спешку европейских властей в прекращении использования машин с двигателями внутреннего сгорания (ДВС) к 2035 г., что открывает брешь для проникновения китайцев, а также предлагаемые правила для авто с ДВС “Евро-7”, которые вступят в силу с июля 2025 г. и приведут к увеличению затрат на 2 тыс. евро на обслуживании технологий отслужившей свой срок, отнимая ресурсы, которые могли бы быть направлены на электродвигатель.

Европейские группы опасаются угрозы со стороны китайских из-за их более низких затрат и доступа к сырью и аккумуляторам: Пекин контролирует 67 % переработки лития, 73 % кобальта, 77 % производства аккумуляторов, 85 % анодов и 75 % катодов. Однако европейцы не могут не привлекать к своим проектам китайские концерны: VW в дополнение к уже имеющимся совместным предприятиям с SAIC и FAW только что приобрела за 700 млн долл. 5 % Xpeng, чтобы к 2026 г. разработать две электрические модели, предназначенные для китайского рынка.

Чтобы стать независимыми от поставок из Азии, европейские группы создают на континенте заводы по производству аккумуляторов. По оценке *Le Figaro*, действующие и строящиеся заводы смогут обеспечить совокупную ёмкость в 1.267 ГВтч (гигаватт-часов): учитывая, что на 1 ГВтч требуется 20 тыс. электромобилей, объём производства электромобилей должен составить 25 млн. Но среди этих групп самыми крупными являются именно китайские. CATL, которая за 12 лет стала мировым лидером, заняв 36 % рынка, имеет в Германии фабрику, способную произвести аккумуляторы суммарной ёмкостью 14 ГВтч, и планирует увеличить её до 24 ГВтч, а также строит фабрику на 100 ГВтч в Венгрии. Envision (входит в AESC) контролирует производство на 24 ГВтч в Великобритании и на 20 ГВтч во Франции. На севере страны Эмманюэль Макрон открыл «battery valley» с четырьмя фабриками, рассчитанными на производство совокупной ёмкости 142 ГВтч, в том числе одной на 24 ГВтч, принадлежащей ACC (Stellantis, Mercedes, Total) и одной на 50 ГВтч, которой владеет Verkor – стартап Renault, только что получивший 2 млрд евро, более половины из которых являются государственными.

Банки между ставками и кризисом

Повышение ставок в целом благотворно отразилось на счетах европейских банков, но, как это произошло в США в период кризиса, поразило некоторые региональные банки и сказалось на депозитах, так как многие клиенты обратились к более прибыльным государственным облигациям. Кризис ликвидности и доверия в США, приведший к банкротству четырёх учреждений среднего размера из-за бегства депозитов, спровоцировал в Европе крах Credit Suisse, который к тому времени и так некоторое время находился в трудном положении. Правительство и центральный банк Швейцарии организовали спасение Credit Suisse, прибегнув к помощи UBS, который купил исторического конкурента со скидкой в 55 % за 3,2 млрд долл. с гарантиями на 9 млрд долл. и гарантиями ликвидности от ЦБ на 100 млрд долл. в дополнение к обнулению 16 млрд долл. облигаций Credit Suisse, чтобы избежать дефолта. Дефолт Credit Suisse имел бы последствия для всей европейской банковской системы, учитывая его международные связи и наличие таких партнёров, как катарский QIA и Saudi National Bank, который тогда был крупнейшим акционером с долей в 9,8 %, а теперь снизил её до 0,5 %.

Так родился седьмой по активам гигант в Европе с 1,65 трлн и, по данным испанской *El Economista*, восьмой в мире по управляемым сбережениям с 3,43 трлн долл.: это составляет треть от показателя лидера – американской BlackRock, но превосходит Amundi (2,330 трлн долларов) и Allianz (2,950 трлн долларов). UBS анонсировал около 3 тыс. увольнений в Швейцарии и ожидает, что его первым акционером станет норвежский суверенный фонд Norges Bank, который благодаря доходам от продажи газа и нефти в осиротевшую без российского топлива Европу увеличил свои активы до почти 1,4 трлн долл. и входит в число крупнейших инвесторов на международных фондовых биржах.

Сокращение персонала в сфере телекоммуникаций

Саудовская STC, контролируемая суверенным фондом Pif, входит в Telefonica в качестве основного акционера с 9,9 %, из которых 5 % номинированы в производных инструментах: это делается для того, чтобы избежать превышения антипоглощающей квоты испанского правительства, которому теперь придётся уступить согласие на операцию, учитывая важность телекоммуникаций для национальной безопасности. По данным испанских СМИ, шаг STC застал врасплох не только правительство, но и Telefonica и её акционеров BBVA (4,7 %) и CaixaBank (5,8 %). Для многих проблемой является альянс Эр-Рияда с Россией в рамках ОПЕК+, особенно после подтверждения сокращения добычи нефти на 1,3 млн баррелей в сутки, что способствовало росту цен на нефть и топливо.

В Лондоне сменится руководство BT: в январе следующего года из Telia придёт Эллисон Киркби, призванная завершить план по сокращению 55 тыс. человек (40 % рабочей силы) к 2030 г. Это назначение позволит примирить позиции двух крупных акционеров, сейчас терпящих убытки, – Deutsche Telekom (12 %) и французской Altice Патрика Драи (25 %), которая сама находится в затруднительном положении после ареста своей правой руки за коррупцию и роста долга до величины более 60 млрд евро из-за роста ставок.

Сокращения также планирует и Vodafone, которая объявила о 10 тыс. увольнений, 1 тыс. из которых произойдут в Италии, а также Telecom, где в дополнение к 4 тыс. увольнений с досрочным выходом на пенсию риску из-за разделения сетей подвергнутся 10 тыс. сотрудников.

5G и полупроводники

В августе 2023 г. Ericsson подписала соглашение с китайской Huawei о кросс-лицензировании патентов, связанных с развитием сетей 3G, 4G и особенно 5G. Это область, в которой США подталкивают своих союзников к сдерживанию роста Китая: Huawei является крупнейшим держателем патентов и может опереться на внутренний рынок, на котором уже имеется 700 млн подписчиков на услуги 5G. В июне еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка и экс-глава France Telecom (ныне Orange) Тьерри Бретон упомянул о запрете деятельности Huawei, отметив медлительность правительств в применении мер, рекомендованных Брюсселем ещё в 2020 г. для защиты сети 5G от поставщиков с высоким уровнем риска. В конце 2022 г. этой рекомендации последовало правительство Драги, активировав “golden power” в отношении связанных с 5G планов компаний Telecom и Vodafone, что привело к постепенному исключению Huawei в пользу Ericsson, Nokia и некоторых поставщиков из США.

Ещё одна технологическая область, в которой американцы оказывают давление на своих союзников с целью изолировать китайцев, – это производство полупроводников: так, Нидерланды уже ограничили

Крупных китайских и американских групп

экспорт в Китай оборудования для производства передовых чипов ASML.

Энергетический переход в сталелитейной промышленности

Сталелитейный сектор также пострадал от энергетического перехода. Ярким примером является индийская Tata Steel, которая инвестирует более 1,25 млрд фунтов стерлингов в площадку в Порт-Талботе, чтобы закрыть две из последних четырёх английских доменных печей и возвести на их месте две электропечи, получив от правительства 500 млн фунтов стерлингов в рамках промышленного плана декарбонизации.

План может также коснуться *British Steel*, контролируемой китайской Jingye и уже получившей государственное финансирование в размере 500 млн фунтов стерлингов на строительство аккумуляторного завода Tata Motors (контролируемой Jaguar Land Rover, JLR) общей стоимостью 4 млрд фунтов стерлингов.

Эта электрификация может произойти ценой увольнения 3 из 8 тыс. сотрудников Tata Steel. Хорошее напоминание о том, во что может обойтись переход от ДВС к аккумуляторам и другим легковоспламеняющимся материалам, особенно накануне европейских выборов 2024 г., и многие уже работают над тем, чтобы сделать «паузу» в своей «зелёной» политике, как назвал это Макрон.

Разгон военного сектора

Украинская война стала шоком для военного сектора и некоторых долгосрочных промышленных проектов, таких как новый истребитель «GCAP» («*Global Combat Air Programme*») от английской BAE, итальянской Leonardo и японской Mitsubishi Heavy Industries. Эти группы стремятся вдвое сократить сроки поставок и сдержать расходы на ввод самолёта в эксплуатацию к 2035 г. Проект истребителя сочетает в себе разработки японской программы «F-X» и итало-английской программы «Tempest»: на данный момент Лондон выделил на реализацию «Tempest» около 2 млрд фунтов стерлингов, ещё 800 млн фунтов предоставили промышленные партнёры, в то время как Токио обязался изыскать 494 млн долл. в 2024–2025 гг. «Tempest» конкурирует с франко-германским проектом «FCAS», который всё ещё находится в стадии разработки из-за разногласий между партнёрами Airbus и Dassault.

Берлин подтверждает, что он может приобрести долю в ThyssenKrupp Marine – производителе подводных лодок, которую ThyssenKrupp намерена выставить на листинг. Операция положит начало возможной консолидации функциональных подразделений немецких верфей для последних переговоров с итальянцами и французами, уже объединившимися в Naviris, созданную некоторое время назад Naval Group и Fincantieri. Между тем, по данным Handelsblatt, Германия через KMW и Rheinmetall будет стремиться присоединиться к Leonardo и шведской SAAB с их проектом будущего нового танка, запросив финансирование в размере 3 млн евро из Европейского оборонного фонда, который располагает 8 млрд евро, 5,3 млрд евро из которых предназначены для продвижения совместных проектов вооружений.

Соглашение может привести к отказу от реализации франко-германского проекта «MGCS» («*Main Ground Combat System*») или его замедлению. Он открылся в 2017 г. для замены к 2035-му танков «Леопард 2» и «Leclerc», а его разработка была поручена KNDS – совместному предприятию французской Nexter и немецкой KMW в сотрудничестве с Rheinmetall. Между Берлином и Парижем вновь могут возникнуть разногласия по вопросу разделения труда. Как бы то ни было, перевооружение европейского империализма идёт по грязным колеям украинской земли.

Lotta comunista, сентябрь 2023 г.

100 КРУПНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГРУПП В ЦИФРАХ

ПРОМЫШЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ (в миллионах евро)	Государство	ОБОРОТ		ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ (1)		АКТИВЫ		СОБ. КАПИТАЛ		КОЛ-ВО ЗАНЯТЫХ	
		2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021
Текстильная промышленность – мода											
LVMH	Франция	79.184	+23,3	14.751	+16,2	134.646	+7,4	55.111	+17,0	196.006	+11,6
Аэрокосмическая и оборонная промышленность											
AIRBUS	Нидерланды	58.763	+12,7	4.136	-0,9	115.944	+8,3	12.950	+36,8	134.267	+6,1
BAE SYSTEMS	Великобритания	24.928	+8,9	1.963	-12,4	35.473	+15,9	12.645	+50,8	83.000	+1,2
LEONARDO	Италия	14.713	+4,1	932	+58,8	28.582	+0,7	7.183	+11,7	50.145	+1,1
Производство продуктов питания, напитков											
NESTLE	Швейцария	93.982	+8,4	9.551	-44,2	137.282	-2,8	42.634	-21,0	275.000	-0,4
UNILEVER	Нидерланды – Великобритания	60.073	+14,5	8.269	+24,9	77.821	+3,6	19.021	+11,2	127.000	-14,2
ANHEUSER-BUSCH INBEV	Бельгия	54.877	+6,4	7.215	+24,3	199.647	-2,2	68.815	+6,9	166.632	-1,6
DANONE	Франция	27.661	+13,9	1.023	-48,6	45.281	-0,3	17.923	+3,8	96.166	-2,0
Автомобили и комплектующие											
VOLKSWAGEN	Германия	279.232	+11,6	15.836	+2,6	564.772	+6,9	165.378	+14,5	669.275	+0,2
STELLANTIS	Нидерланды	179.592	+20,2	16.779	+18,1	186.159	+8,4	71.999	+28,8	282.926	-3,3
MERCEDES BENZ	Германия	150.017	+12,0	14.809	-36,7	260.015	+0,1	85.415	+18,7	171.382	-2,9
BMW	Германия	142.610	+28,2	18.582	+49,1	246.926	+7,6	87.125	+17,2	149.475	+25,7
BOSCH	Германия	88.201	+12,0	1.838	-26,5	100.247	+2,6	44.240	+5,5	413.811	+3,5
DAIMLER TRUCK	Германия	50.945	+28,1	2.763	+15,9	63.969	+16,7	20.052	+26,0	108.438	+4,7
RENAULT	Франция	46.391	+0,4	-700	-172,4 (+)	118.319	+4,0	28.798	+5,4	105.261	-32,7
VOLVO	Швеция	44.543	+27,2	3.102	-0,8	56.561	+21,9	14.630	+15,4	86.316	+2,8
ZF	Германия	43.801	+14,3	376	-52,0	38.944	+1,5	8.053	+21,5	162.614	+3,8
Химия – фармацевтика											
BASF	Германия	87.327	+11,1	-391	-106,5 (+)	84.472	-3,3	39.573	-3,0	111.023	+1,1
ROCHE	Швейцария	66.115	+5,8	13.468	-9,4	89.521	-4,5	28.427	+14,3	103.613	+2,7
BAYER	Германия	50.739	+15,1	4.166	+307,6	120.241	=	38.773	+17,4	101.086	+1,5
NOVARTIS	Швейцария	48.001	-2,1	6.605	-71,0	110.119	-10,9	55.637	-12,3	101.703	-2,5
SANOFI	Франция	42.997	+13,9	8.484	+35,1	126.722	+5,4	74.784	+8,9	91.573	-4,1
GLAXOSMITHKLINE	Великобритания	34.387	-14,0	18.318	+206,5	67.814	-24,0	11.949	-29,6	90.422	-1,7
Строительство – инжиниринг											
VINCI	Франция	61.675	+24,9	4.417	+101,2	111.991	+12,0	25.939	+13,4	271.648	+23,9
BOUYGUES	Франция	44.322	+17,9	1.131	-13,3	60.595	+35,7	12.212	+9,6	196.154	+57,4
ACS	Испания	33.615	+20,8	873	-72,9	37.580	+5,4	5.166	-20,6	126.786	+4,9
HOCHTIEF	Германия	26.219	+22,6	515	+78,2	18.300	+12,7	1.134	+41,6	34.750	+5,7
Розничная торговля											
SCHWARZ-LIDL (a)	Германия	154.100	+15,3	nd	nd	nd	nd	nd	nd	575.000	+4,5
ALDI (a)	Германия	110.600	+7,9	nd	nd	nd	nd	nd	nd	287.700	+22,4
AHOLD DELHAIZE	Нидерланды	86.984	+15,1	2.546	+13,4	48.555	+6,2	15.405	+12,3	414.000	+0,2
CARREFOUR	Франция	83.089	+13,9	1.566	+20,4	56.551	+18,6	11.144	+8,7	334.640	+4,9
REWE	Германия	77.210	+11,3	504	-33,3	38.258	+8,7	9.126	+8,5	384.200	+1,1
TESCO	Великобритания	76.777	+7,2	869	-49,8	52.601	-6,5	13.958	-21,8	336.926	-5,0
IKEA	Швеция	44.600	+6,4	710	-50,5	24.684	+15,3	9.847	-2,6	231.000	+2,7
AUCHAN	Франция	33.485	+7,7	42	-88,3	20.628	-2,7	6.130	-1,9	161.476	-1,6
Электроника – электроника – информационные технологии											
SIEMENS	Германия	71.977	+15,6	4.392	-34,4	151.502	+8,5	48.895	+10,7	308.000	+4,4
SCHNEIDER ELECTRIC	Франция	34.176	+18,2	3.536	+8,0	58.368	+7,0	25.439	+4,1	162.339	-2,2
SAP	Германия	30.871	+10,9	1.708	-68,2	72.159	+1,4	40.186	+3,4	111.015	+6,4
ABB	Швейцария	27.964	+1,7	2.463	-44,2	36.704	-2,8	11.979	-18,0	105.100	+0,7
ERICSSON	Швеция	25.546	+16,9	1.798	-16,8	31.428	+14,4	12.122	+23,9	101.741	+1,0
Энергетика – коммунальные услуги											
ROYAL DUTCH/SHELL	Нидерланды – Великобритания	362.122	+45,8	40.716	+107,8	415.361	+9,6	178.579	+10,8	87.000	+4,8
UNIPER (b)	Германия	274.121	+68,2	-19.124	-365,8	121.477	-5,4	4.228	-32,9	6.986	-4,2
TOTAL ENERGIES	Франция	250.057	+42,6	19.985	+28,6	284.890	+3,5	104.748	=	101.279	=
BP	Великобритания	229.242	+53,0	-1.289	-116,0 (+)	270.129	+0,3	63.335	-10,5	66.300	+3,6
ELECTRICITE DE FRANCE	Франция	143.476	+69,9	-18.225	-477,5 (+)	388.132	+7,5	34.340	-31,6	165.028	+1,0
EQUINOR	Норвегия	143.216	+65,9	27.297	+235,2	148.154	+7,4	50.617	+38,4	21.500	+0,5
ENEL	Италия	140.517	+59,7	2.920	-24,3	219.618	+6,1	28.657	-3,4	66.476	+0,8
ENI	Италия	133.687	+71,9	13.961	+139,1	152.130	+10,4	54.759	+23,2	32.188	-1,5
E.ON	Германия	115.660	+49,5	2.242	-57,7	134.009	+11,9	15.923	+32,1	68.888	-3,8
ENGIE	Франция	93.865	+62,2	390	-89,6	235.490	+4,5	34.253	-7,4	98.020	-43,7
REPSOL	Испания	74.828	+51,2	4.345	+71,9	59.964	+6,6	24.611	+10,3	23.866	-0,3
OMV	Австрия	62.298	+75,2	5.175	+84,6	56.429	+4,9	19.149	+23,5	22.308	-0,6
PKN ORLEN	Польша	59.231	+111,3	7.177	+200,7	57.837	+155,1	28.873	+162,9	64.494	+82,1
IBERDROLA	Испания	53.949	+37,9	5.131	+17,0	154.667	+9,1	41.119	+1,6	40.090	+3,6
VEOLIA	Франция	42.885	+50,4	998	+79,8	73.304	+38,1	12.255	+6,4	213.684	+21,1
Металлургия – сырьевой сектор											
ARCELOR MITTAL	Нидерланды	75.825	+4,3	9.058	-38,7	88.643	+4,5	49.833	+8,2	154.000	-2,5
SAINT GOBAIN	Франция	51.197	+15,9	3.101	+18,6	55.377	+7,4	22.711	+9,6	169.432	+1,5
THYSSENKRUPP	Германия	41.140	+20,9	1.220	+4980,0 (-)	37.492	+1,8	14.202	+36,6	98.396	-3,8
Телекоммуникации											
DEUTSCHE TELEKOM	Германия	114.197	+5,0	9.482	+55,4	298.590	+6,0	48.558	+13,8	211.236	-4,3
VODAFONE	Великобритания	53.116	+0,3	14.335	+370,2	176.889	+1,0	72.110	+15,9	98.103	+1,2
ORANGE	Франция	43.471	+2,2	2.617	+236,4	109.650	+1,5	31.784	-1,7	136.430	-2,3
TELEFONICA	Испания	39.993	+1,8	2.319	-78,4	109.642	+0,4	25.088	+13,0	102.563	-4,8
BRITISH TELECOM	Великобритания	24.034	-0,8	2.214	+49,5	60.000	+6,0	16.508	-5,1	98.800	-0,2
GRUPPO TIM	Италия	16.001	+2,6	-2.654	+68,4	62.027	-10,3	15.061	-13,5	45.912	-4,2
Транспорт											
DEUTSCHE POST DHL	Германия	94.436	+15,5	5.717	+5,4	68.278	+7,4	23.236	+22,1	589.109	+2,6
MOLLER-MAERSK	Дания	77.425	+32,0	27.845	+62,6	87.830	+29,6	59.995	+43,8	104.260	+22,1
CMA CGM	Франция	70.750	+33,1	23.628	+39,0	nd	nd	nd	nd	155.000	+3,3
DEUTSCHE BAHN	Германия	56.296	+19,6	-227	+75,1	76.303	+6,2	12.540	+47,8	336.321	+0,3
SNCF	Франция	41.449	+19,3	2.516	+228,0	133.036	+6,7	27.548	+88,1	276.271	+2,2
LA POSTE	Франция	35.392	+2,3	1.507	-42,0	773.123	-2,9	17.546	-16,2	238.033	-2,8
LUFTHANSA	Германия	32.770	+94,9	804	+136,7 (-)	43.335	+1,9	8.405	+88,9	106.889	-0,7
POSTE ITALIANE	Италия	31.878	+0,5	1.511	-4,4	261.626	-8,1	8.893	-26,5	115.808	-1,3
AIR FRANCE-KLM	Франция	26.393	+84,4	744	+122,6 (-)	32.305	+5,3	-3.004	+21,4	74.602	-0,2
СТРАХОВАНИЕ (в миллионах евро)											
		2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021	2022	Разн. в % к 2021
AXA	Франция	99.415	+2,7	6.856	-8,7	696.697	-10,2	45.353	-36,2	145.000	-2,7
ALLIANZ	Германия	94.190	+9,4	7.182	+1,1	1.021.503	-10,3	51.474	-35,6	157.332	+2,9
GENERALI	Италия	81.538	+7,5	3.189	-0,2	519.					

Террор за террор

Более 65 млн человек – такова численность наёмных рабочих на территории от Египта до Аравийского полуострова, а с учётом Ирана и Турции – более 100 млн человек. Они составляют более 70 % занятых. На территории, непосредственно затронутой войной, их численность составляет около 5 млн человек: 3,6 в Израиле и около 1 млн на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

Это значительный по численности рабочий класс, который связан с мировым рынком миграционными процессами. Не только эмигранты, но и иммигранты, что трагически продемонстрировал теракт, совершённый ХАМАС 7 октября: 24 убитых и, возможно, 16 взятых в заложники среди 30 тысяч тайских сельскохозяйственных рабочих (*Le Monde*, 15 октября). Семь человек погибли среди 30 тысяч филиппинцев. Это лишь часть из 140 тысяч рабочих-мигрантов, к которым следует добавить 140 тысяч палестинцев, имеющих разрешение на работу в Израиле. Они заняты в строительстве, сельском хозяйстве, здравоохранении, промышленности.

Это материальная основа интернационалистской антивоенной политики, и именно на неё должны ориентироваться 200 млн европейских наёмных рабочих.

Фабрика и социальная мобильность

Проблемы глобального рынка труда выходят на первый план и при решении национальных контрактных споров. Примером тому может служить состоявшееся в сентябре общее собрание Federmeccanica, ассоциации итальянских промышленников-металлообработчиков, посвящённое продлению трудового договора в этом секторе, срок действия которого истек 30 июня. Среди тем, затронутых на нём, две заслуживают внимания: нехватка рабочей силы и её обучение, а также размер компаний.

Вопрос о подготовке кадров, безусловно, связан не только с сохраняющимися диспропорциями в системе образования, но и с процессами социальной подвижности, охватившими Италию в последние десятилетия: в результате возникли очаги интеллектуальной безработицы, в то же время остались незаполненными технические вакансии. Результат: 70 % металлообработывающих предприятий заявляют, что испытывают трудности с поиском необходимой им рабочей силы. Из 100 компаний, испытывающих нехватку кадров, для 42 трудности касаются «базовых/традиционных технических навыков», а для 24 – «передовых/цифровых технологических навыков».

Следует, однако, отметить, что дело не только в проблемах с подготовкой кадров. Президент Federmeccanica Федерико Висентин в своём выступлении подчеркнул «физическое отсутствие потенциальных работников», что является следствием демографической зимы. Мы знаем, что речь идёт о тенденции, которую сегодня можно классифицировать как демографический закон империалистической зрелости. В свою очередь, промышленник напомнил, что «Италия – первая страна в мире, где число жителей в возрасте до

15 лет стало меньше, чем число людей старше 65 лет». Перспектива намечена.

Вынужденный путь

Здесь открывается вынужденный путь: «управление миграционными потоками становится центральным», причём, очевидно, речь идёт об управлении в тесной связи «с бизнес-сообществом», чтобы не оставалось сомнений в цели принимаемых мер.

Однако двоякая проблема нехватки рабочей силы и потребности в иммигрантах имеет, по меньшей мере, европейский масштаб. Газета *Le Monde* (23 сентября) приводит высказывание Жан-Кристофа Дюмона, руководителя отдела международной миграции ОЭСР: «Сегодня 100 % прироста рабочей силы в ЕС связано с иммиграцией». Затем 30 сентября та же газета сообщила о результатах исследования условий труда иммигрантов на виноградниках Шампани. Резюме: «недостойные» условия, нездоровое жильё, тяжёлый труд, иногда даже неоплачиваемый. «Условия труда при сборе драгоценного винограда отличаются тяжестью, в этом году ещё большей из-за сильной жары: в сентябре погибли пять сборщиков винограда». Хроника последних лет свидетельствует о том, что в сельской местности по другую сторону Альп, и не только на юге Италии, условия труда не слишком отличаются.

«Рабочие всего мира, мигрируйте»

В Германии разворачивается ожесточённая дискуссия о разрешениях на работу между теми, кто хочет сделать их возможными в том числе для лиц, ищущих убежища, и теми, кто отвергает это предложение. В целом прослеживается более жёсткая позиция. Даже *Handelsblatt*, газета, наиболее тесно связанная с бизнесом, спешит уточнить, что «приём беженцев – это гуманитарный долг», но «ни одно юридическое требование не может быть неограниченным» (27 сентября). Издание предлагает задуматься над тем, что было бы опасно «не принимать всерьёз страхи людей», потому что «их страх – большая угроза европейской идее, чем мигранты». Ветер, поднятый приближением выборов, дует повсюду.

В прочтении *The Economist* (7 октября) имеет место «парадокс мигрантов». Для нас же это, скорее, одно из многих циничных противоречий буржуазии. Вот как его формулирует газета Сити в статье под заголовком «Рабочие мира, мигрируйте»: «В борьбе с нелегальной миграцией Европа не должна забывать, что завтра ей, возможно, придётся вежливо пригласить к себе примерно тех же людей, которым она сегодня позволяет утонуть».

Маленький – не значит красивый

Второй момент, на который обращает внимание Federmeccanica применительно к Италии, – это размер компании, точнее, его сокращение. С 1981 по 2020 год доля металлообработывающих предприятий с числом занятых менее 50 человек выросла с 86 % до 95 %, а с числом занятых более 250 человек – с 2,5% до 0,6%.

Небольшой размер итальянских компаний – это давняя структурная особенность. Значительно отличается ситуация в Германии, где, например, на

Око за око, террор за террор. Более 1400 человек погибли в результате вторжения террористов ХАМАС в южные области Израиля: в их числе женщины и дети, хладнокровно убитые в кибуцах дом за домом. Тысячи палестинцев погибли в секторе Газа в результате ответных израильских бомбардировок. Женщины и дети, раздавленные под обломками зданий, разрушаемых улица за улицей. Симметричность ужасов не должна заслонять размышлений о том, что новая война в Газе имеет глубокие корни, уходящие в многовековую вражду, которую подхватило и возродило за десятилетия региональных войн соперничество держав и капиталов на Среднем Востоке.

Придя на смену европейцам после Суэцкого кризиса 1956 года, американский империализм управлял союзами и конфликтами с тем расчётом, чтобы не допустить враждебной гегемонии над регионом и энергетической артерией Персидского залива. СССР долгое время рассматривался как потенциальная угроза, но в 1991 году он распался. В течение как минимум последних двадцати лет США начали опасаться посягательства на Персидский залив со стороны Китая, и война в Ираке в 2003 году была призвана предотвратить его. Сегодня кризис порядка ускорил все процессы. Иран и Саудовская Аравия, исторические соперники в регионе, втянуты Пекином в БРИКС – сложную группу держав, которая намерена потеснить старый атлантический порядок. Вашингтон попытался удержать саудовцев в трёхстороннем союзе с Израилем, имеющем ядерную сторону, с целью ограничить влияние Китая. Тегеран прямо или косвенно отреагировал на это, опосредованно поддержав боевиков ХАМАС, своих клиентов наряду с «Хезболлой».

Вот они – новые корни войны: старому атлантическому порядку брошен вызов со стороны Китая, и это противостояние по цепочке вызывает новые вспышки в кризисных зонах. Вчера Украина и Армения, сегодня Газа. Где завтра? Никто не может сказать, останется ли война ограниченной или подожжёт весь Средний Восток и когда вспыхнут другие пожары в Азии, в Южно-Китайском море или Тайваньском проливе. Можно ли как-то противостоять поступи войны? Интернационалистский принцип единства нашего класса – единственный путь. На Среднем Востоке численность наёмных работников превышает 100 миллионов человек. Объединённые революционной стратегией, они смогут противостоять любому варварству и любым манёврам держав. Это мечта? Сравните её с кошмаром их политики смерти, тупиком национализма и террористического фидеизма. Революционный коммунизм – единственное решение, а пролетариат – единственная практическая сила, способная остановить этот ужас.

металлообработывающих предприятиях в среднем работают 42 человека по сравнению с 11 в Италии. В данных Federmeccanica бросается в глаза явное сокращение за сорок лет – результат либеристского цикла. Однако в этой тенденции необходимо учитывать и аутсорсинг некоторых задач, которые раньше выполнялись внутри компании, а теперь передаются внешним партнёрам, возможно, в тех же областях деятельности, но принадлежащим разным структурам.

В качестве примера можно привести судостроительную отрасль: если в 1980-е годы в компании Fincantieri на национальном уровне работало около 20 тысяч человек, то сегодня – около 10 тысяч, тогда как ещё 29 тысяч заняты в сотнях мелких подрядных фирм, призванных выполнять те работы, которые раньше выполняла материнская компания. Зачастую в их составе присутствует значительная часть иммигрантов, более приспособленных к «гибкости».

Два соображения по поводу данного процесса. Во-первых, он опровергает вульгарный термин «деиндустриализация»: на примере судостроительной отрасли видно, что количество работников не уменьшилось, а скорее наоборот. Речь идёт о дроблении предприятий с последующим перераспределением задач. Во-вторых, ещё более глубоким становится ослабление профсоюзов, которое

сопровождало этот длительный период. Это объективная сторона, которая во многих случаях не была в достаточной степени уравновешена субъективным элементом вмешательства профсоюзов и в этих секторах. В этом сражении задействованы рабочие-ленинисты.

Больше зарплаты, меньше часов

Возвращаясь к Federmeccanica, следует отметить, что вопрос заработной платы, конечно же, не стоит в центре обсуждения. Общим требованием является сокращение налоговой нагрузки и взносов, которое должно стать структурным, а также лишение премий за производительность.

Между тем, именно этот вопрос должен стоять для рабочих наиболее основательно и актуально в связи с приближением срока окончания действия договора. Не следует забывать, что 30 сентября 2024 года истекает срок действия контракта и у немецких металлургов. Уже сейчас профсоюз металлургов IG Metall выступил с требованием сокращения рабочей недели до 32 часов и повышения заработной платы на 8,5 %. Это традиционный двойной путь любой эффективной борьбы вокруг контрактов: больше зарплаты и меньше часов.

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

Французский кризис в европейской реструктуризации

Мы публикуем серию статей наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

Отсутствие большинства в парламенте по вопросу о пенсионной реформе ввергает страну в новый политический кризис вокруг европейской реструктуризации. Это измерение означает, что ситуация выходит за рамки сугубо национальной сферы и ослабляет один из столпов европейского империализма. И это происходит как раз в тот момент, когда Эмманюэль Макрон, вернувшись из поездки в Китай, подтвердил своё стремление выстроить европейскую автономию.

Столкновение потребности буржуазии в реформе системы социального обеспечения и социальной ситуации, вызванной атлантическим упадком и кризисом социал-демократизации, характерно для всей Европы. Однако французская политическая культура и её институциональные балансы придают ему особый характер и значимость.

Предложение порицания

Несмотря на предварительное соглашение, достигнутое с лидерами правых в Сенате, Национальном собрании и партийном президиуме, некоторые депутаты-неоголлисты отступились от реформы, которую они сами же поддержали во время президентской избирательной кампании, что в свою очередь побудило правительство прибегнуть к статье 49.3 конституции, чтобы добиться принятия своего законопроекта в нижней палате. Правовой механизм статьи 49.3 является одним из инструментов «рационализированного парламентаризма», введенных в действие с учреждением Пятой республики с согласия основных парламентских организаций того времени для обеспечения примата правительства над парламентом и ликвидации хронической нестабильности правительств Третьей и Четвёртой республик. Сразу же после одобрения Конституционным советом закон был обнародован.

Использование статьи 49.3 требует подотчётности правительства парламенту; если абсолютное большинство депутатов не заставит правительство уйти в отставку, закон будет принят.

В данном случае основной вотум недоверия был отклонён всего 9 голосами. 19 из 61 депутата от партии Республиканцев проголосовали против правительства, проигнорировав указания руководства партии по голосованию. Такой незначительный перевес создаёт проблему управляемости страны для правительства, имеющего лишь относительное большинство в парламенте, несмотря на использование этим правительством исключительных полномочий.

Разломы внутри Республиканцев

Кризис в партии Республиканцев оживил заголовки новостей. Депутаты от правых партий разделились при голосовании по законопроекту, согласованному, однако, между правительством и правым большинством в Сенате и одобренному лидерами партий.

По данным *Le Monde*, газеты французского истеблишмента, «партия выходит из парламентских дебатов более

разделённой, чем когда-либо, и не имеет права свистеть об окончании матча», и это после «болезненного провала Валери Пекресс на президентских выборах». Руководству не удаётся «направить в нужное русло столкновение между двумя радикально противоположными линиями, отражающими местные интересы и несовпадающие политические расчёты»: городским депутатам Республиканцев противостоят «сельские, которые к настоящему времени чрезмерно представлены в парламентской фракции». Первые пытаются, «прежде всего, отвоювать прошлых избирателей, перешедших на сторону Эмманюэля Макрона, вторые в прямом противостоянии с Национальным объединением хотели бы возродить «социальную» линию ОПП», то есть Объединения в поддержку республики – голлистской партии, распущенной в 2002 году. Этот разлом имеет ещё большее значение, потому что часто эта группа депутатов считает, что она не обязана своим избранием партии после катастрофы на президентских выборах. Лагерь Макрона надеется, что ему удастся привязать к себе часть реформистского крыла Республиканцев к концу президентского срока.

Национальное объединение попало в засаду

Хотя на момент написания этой статьи президент решил не менять премьер-министра и не инициировать крупные кадровые перестановки в кабинете министров, в аналитике и комментариях постоянно используются термины «тупииковая ситуация», «изоляция», «риск неуправляемости». Спустя всего десять месяцев после последних выборов следующие президентские выборы 2027 года уже тревожат мысли буржуазии, а Макрон не сможет баллотироваться на третий срок.

Le Monde отмечает, что «урок для правительства и для Эмманюэля Макрона беспощаден. В этом парламенте с относительным большинством, где преобладают крайне правые и крайне левые, нет надёжных союзников, с которыми можно было бы найти компромисс и стабилизировать пятилетний срок. Именно это делает ситуацию такой нестабильной и взрывоопасной». Однако, по мнению газеты, «если центристский блок, образовавшийся на пепелище Социалистической партии и Республиканцев, откажется от реформ, то он потеряет свою идентичность и смысл существования».

Политолог Паскаль Перрино утверждает в журнале *Le Point*, что, хотя «ненависть к главе правительства – не новый феномен» и, можно даже сказать, является продуктом институтов Пятой республики, нынешний президент гораздо более «одинок», чем его предшественники: «Ширак, Саркози и Олланд были в лучшей компании. Макронизм же сводится к Эмманюэлю Макрону». С одной стороны, крах старых правящих партий в представительстве на национальном уровне и слабость движения Макрона способствуют кристаллизации кризиса вокруг Елисейского дворца. С другой стороны, отмечает Перрино, «главная удача Макрона – это слабость оппозиции, которая не способна к совместному управлению».

На сайте *Telos* Бертран Матьё, профессор юридического факультета Сорбонны, согласен с оценкой слабости оп-

позиции, но указывает на ряд рисков. По его мнению, статья 49.3 является законным инструментом правительства, «но не подходит для разрешения политического кризиса». Он сравнивает нынешнее использование этой статьи конституции с рекордным использованием её социалистическим правительством Мишеля Рокара (1988–1991). «Ситуация сопоставима, поскольку оба имели лишь относительное большинство в Национальном собрании», «но политическая ситуация сейчас заметно отличается». Рокар «имел перед собой сплочённую оппозицию, способную управлять страной (на стороне Ширака был 271 депутат). Сегодня ситуация в Национальном собрании совершенно беспорядочна».

В общем и целом все комментарии сходятся в том, что подчёркивают риск среднесрочного успеха Национального объединения (НО), одной из партий, выступающих против пенсионной реформы. В 2027 году это движение может извлечь электоральную выгоду из нынешнего кризиса. Победа Марин Ле Пен на президентских выборах привела бы французскую буржуазию на неизведанную территорию. С 1945 года крайне правых всегда отстраняли от участия в правительствах, а нынешняя избирательная система до сих пор не позволяла им получить доступ к президентству. Но если рост НО приведёт его представителя в Елисейский дворец, централизм Пятой республики может усугубить эксцентричность правительства по отношению к интересам французского и европейского империализма.

Обновлённая Пятая Республика?

Может ли такая перспектива побудить к некоторым институциональным корректировкам? В более широком смысле, не идёт ли Пятая республика против самой себя, хотя на самом деле она была задумана для того, чтобы дать президенту свободу действий на европейской и международной арене, защищая исполнительную власть

от эндемической слабости французских партий и подрывной политической культуры? В своём тексте «*On aura tout essayé*» («Мы испробуем всё», 2023) политолог Клоэ Морен пишет: «Мы наделены институтами, которые позволяют нам вести войну, но когда дело доходит до принятия решения [...], до создания консенсуса и приверженности, эти же институты испытывают трудности. Они больше не способны выработать смелые решения и ещё менее – достигнуть консенсуса».

Мы уже отмечали, что на международной арене внутриполитическая ситуация уже вынудила президента отменить визит британского короля Карла III – избравшего Францию в качестве первого пункта своего путешествия в Европу, – ожидаемый как символ долгожданного возобновления отношений с континентом.

Помимо этого протокольного и символического аспекта *Le Monde* подчёркивает непостижимость французской ситуации для Европы: «Как возможно, что увеличение пенсионного возраста до 64 лет, возраста, который зачастую намного ниже, чем у наших соотечественников, может перевернуть с ног на голову такую страну, как Франция? Как возможно, что правительство страны, которая претендует на ведущую роль в Европейском союзе, оказалось настолько неспособным урегулировать внутренний политический конфликт путём диалога?».

Мы отмечаем, что французские лихорадки теперь принимают вид обязательного элемента европейской реструктуризации и, таким образом, становятся неотъемлемой частью континентального политического цикла. Это особенно верно в свете растущей напряжённости, начавшейся в XXI веке.

С нашей революционной точки зрения мы можем ещё раз убедиться, что каждый социальный кризис на парижской сцене имеет важный резонанс по всему континенту. Такие факторы необходимо учитывать на будущее.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

Демонстрация солидарности FIOM Генуи с CGT Фо-сьюр-Мер. Ответом на европейскую реструктуризацию должен стать европейский профсоюз.

Конкурирующие промышленные политики

В последние месяцы французская пресса особенно обеспокоена возможной потерей Парижем влияния в Европе. Хотя европейская печать достаточно негативно охарактеризовала ответ Макрона на политический кризис, вызванный пенсионной реформой, на уровне центров власти были запущены противоположные сигналы. Так, в июле Эммануэль Макрон должен отправиться в первый с 2000 года официальный визит в Берлин.

Рейнский перезапуск

Газета *Les Echos* считает, что начинается «новый этап после месяцев напряжённости между Парижем и Берлином». Канцелярия Германии подчеркнула, что «это особенное событие знаменует начало новой главы в дружбе, которая десятилетия объединяет две страны». Экономическое издание добавляет, что в начале июня Макрон должен также отправиться в Потсдам на встречу с Олафом Шольцем. Елисейский дворец уточняет: это нужно, чтобы «вместе подготовить важные грядущие события европейского и международного уровня», такие как саммит по поводу «Нового глобального финансового пакта», который пройдёт в Париже 22–23 июня, заседание Европейского совета 29–30 июня и саммит НАТО 11–12 июля.

По этому поводу государственный секретарь по европейским делам Ло-

ранс Боон дала интервью *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, в котором защитила взаимодополняющие отношения Франции и Германии по международным проблемам и, в частности, по вопросу политики в отношении Китая. «Ни Германия, ни Франция не хотят полностью соотносить свою политику в отношении Китая с политикой США», — заявила она. — Мы не хотим действовать в рамках блоковой логики». Боон также послала сигнал одобрения по поводу недавней речи Шольца в Страсбурге, в которой последний поддержал необходимость политического углубления евроинтеграции в противовес новому расширению ЕС. Что касается торговли, Боон заверила, что Франция стала иначе смотреть на соглашения о свободной торговле. В этом интервью она, однако, не затронула тему переговоров между Евросоюзом и МЕРКОСУР, оппозиция которым во Франции кажется достаточно сильной. Добавим: в то время как голосом Боон французское правительство подтверждает свою приверженность определённому открытию рынков, другие официальные заявления, как мы увидим, следуют в русле усиления защиты европейского рынка.

Контекстом служат стремительные изменения мирового порядка. Редактор *Le Monde* по международной политике Сильви Кауффманн описывает их так: «Старый порядок рушится, однако новый ещё не возник». В треугольнике США – ЕС – КНР «каждый ищет своё место, понимая, что его можно определить только на основе двух других. И каждый шаг имеет значение».

Реструктуризация в кредит

В последние годы мы указывали, что внутренние французские встряски замедлили повестку дня реформ империализма, и европейская реструктуризация всё больше проводится «в кредит». Например, кризис «жёлтых жилетов» обрушил планы Макрона выйти на сбалансированный бюджет, что он предложил после своего избрания в 2017 году. Эта цель была предана забвению ещё до пандемии. Тем не менее мы можем отметить, что эти векторы, противоположные европейской линии Елисейского дворца, не помешали европейскому империализму двигаться вперёд, особенно на поле общих задолженности и инвестиций. Взяв на себя риски пенсионной реформы, нынешнее правительство запишет это себе в кредит? Или сложные реформировать Францию приведут к тому, что пострадает доверие к стране?

Образ Макрона-хамелеона, который меняет цвет, становясь то правым, то левым в зависимости от событий внутренней политики, может скрывать тот факт, что эти тактические шаги привязаны к его стратегической цели защиты европейского империализма, который сталкивается с ускорением времени мирового противостояния.

Промышленный суверенитет

Учитывая нынешнюю тупиковую ситуацию во Франции – отсутствие у Макрона абсолютного большинства в парламенте и сложность достижения коалиционных соглашений, – прави-

тельство старается найти новый импульс, обращаясь к теме индустриализации. В этом вопросе сочетаются европейские цели и задачи внутренней политики, как на идеологическом и электоральном уровнях, так и с точки зрения экономической и политической мощи Франции и Европы в новой эре международных отношений.

В статье, опубликованной *Financial Times*, французский президент излагает свои цели в пяти пунктах: во-первых, «стремление к [повышению] производительности, большей интеграции и углублению европейского единого рынка», который является «главным условием для создания европейских чемпионов в сфере чистых технологий и искусственного интеллекта»; во-вторых, промышленная политика на континентальном уровне; в-третьих, защита фундаментальных интересов и европейских стратегических активов; в-четвёртых, взаимность в торговле; в-пятых, многосторонняя солидарность.

В интервью изданию *Challenges* Макрон утверждает, что происходит «европейское пробуждение» по вопросу промышленного суверенитета – «пробуждение, мотором которого послужила Франция». Это утверждение согласуется с триумфалистским тоном, с которым в прошлом месяце он давал интервью *Les Echos* и *Politico* на обратном пути из Китая: во французских внутренних и электоральных дебатах прошлая интервенционистская традиция в Германии и странах Северной Европы недооценивается. Эта традиция отличается от французской и соответствует намного более производительным промышленности и буржуазии (Дозированные интервенции в защиту мультилатерализма // Пролетарский интернационализм. 2023. Июль. № 106).

Затем Макрон сделал заявление по поводу американского «Inflation Reduction Act» (IRA): «Мы начали добиваться исключений, чтобы с нами обращались так же, как с канадцами и мексиканцами». «Сегодня ключом, как ответить Соединённым Штатам, является последовательная европейская и французская стратегия». Париж выступает за введение в Старом свете инструментов, эквивалентных IRA.

В середине мая по случаю презентации закона о «Зелёной промышленности» французский президент анонсировал новый «налоговый вычет [для] зелёной промышленности», который должен уравновесить американский план; также он добавил бонус при покупке электромобилей, произведённых в Европе, а не в Китае, оставляя за скобками вопрос американских машин.

В интервью *Challenges* Макрон вновь высказался о сражении за время для европейского империализма: «В условиях этого ускорения мира, если мы не будем действовать сейчас же, через пять или десять лет мы проснёмся с похмельем. За последние шесть лет мы сделали то, что следовало сделать много раньше. Нужно продолжать, и быстрыми темпами».

Европейская болезнь

Что касается национального политического цикла, в том же самом интервью французский президент пытается связать деиндустриализацию

с ростом популизма: «Отношение к промышленности во многом объясняет французскую болезнь. Некоторая форма деиндустриализации коснулась всех европейских стран с конца 1980-х до 2000-х годов. Нас же она коснулась больше остальных». И «когда промышленность уходит, страдают целые территории». Таким образом, «упадок многих средних городов, чувство заброшенности, обеднения, деклассирования супрерфектур во Франции – все эти явления теснейшим образом связаны с деиндустриализацией».

Хотя верно, что за крайне правых много голосуют в зонах, сильно затронутых деиндустриализацией, эта связь не является автоматической. Нынешний политический цикл является общим для всей Европы, и правые так называемые «популистские» партии укореняются даже в более сильных в индустриальном отношении странах. В более общем плане сегодня электоральные колебания промежуточных слоёв являются продуктом политического цикла атлантического упадка и кризиса социал-демократизации.

Если рассматривать ситуацию через электоральную призму, для Макрона представлять промышленную политику в таком свете значит готовиться к борьбе с Национальным объединением на грядущих европейских выборах 2024 года. Если же смотреть через стратегическую призму, европейская промышленная политика действительно предоставит больше инструментов европейскому империализму, однако она не способна остановить относительный упадок континента. Зато она может облегчить европеизацию некоторых популистских фракций, развивая настоящий европейский соврализм, связанный с потоками государственных расходов.

Низкий промышленный уровень

Le Monde задаётся вопросом: «Может ли политика оферт сама по себе служить компасом этого второго [президентского] срока, который критикуют за отсутствие курса». Макрон рассчитывает опереться на сокращение безработицы, снизившейся почти до 7%, чтобы доказать свою контрправду: «[Динамизм] французской экономики, её реиндустриализация и её привлекательность на международной арене, несмотря на напряжённую ситуацию в сфере государственных финансов и социальный климат, в котором по-прежнему доминируют тема пенсионной реформы и переживания французов касательно последствий инфляции». Согласно последним данным, занятость в обрабатывающей промышленности незначительно повысилась, однако доля сектора в ВВП составляет всего примерно 12%, что почти на 10 п. п. меньше, чем в Германии и Италии.

Итак, мы можем отметить: нынешняя фаза идеологического кризиса глобализации демонстрирует, что с принятием на вооружение великими державами нового экономического оружия массовое использование темы экологической реиндустриализации стало крепким инструментом социал-империализма.

Стеклов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов

Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статей Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала»

(из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Политическая нестабильность и изменения правого фланга

Во Франции сила государства в купе с исторической слабостью посреднических организаций – партий, профсоюзов и т. д. – придаёт государственным институтам центральную политическую роль, поэтому межпартийные дебаты регулярно касаются институциональных черт функционирования властей и равновесия между ними, а также идеи конституционной реформы.

Архитектура власти сталкивается с политическим циклом атлантического упадка и современной ситуации, когда правительство располагает лишь относительным большинством в Национальном собрании. Классическая форма Пятой республики подвергается серьёзному испытанию.

По этому поводу Жерар Гранберг, эксперт Национального центра научных исследований (CNRS), близкого к течению *deuxième gauche* (реформистской “второй левой”) Мишеля Рокара, и Паскаль Паскино из Школы высоких исследований в сфере общественных наук (EHESS-CNRS) пишут на сайте *Telos*: политическая ситуация «вергает в кризис страный сплав рационализированной парламентской системы 1958 года и добавленной к ней в 1962 году президентской системы», а именно всенародного избрания президента. Исследователи усматривают в этом «сплаве» «центральное противоречие»: конституция, которая «предоставляет президенту значительные полномочия, в то же время устанавливает парламентскую систему, в которой «правительство определяет и руководит политикой страны», а «премьер-министр возглавляет правительство». Конституционная реформа 1962 года «имела и нежелательные для де Голля последствия, поскольку после первых всеобщих президентских выборов 1965 года он, переизбранный, превратился из предводителя народа, стоящего выше партий, в предводителя правительства большинства, которое, чтобы в наиболее полной мере осуществлять свою власть, должно располагать абсолютным большинством в Национальном собрании».

Мы уже писали, что создатели конституции намеренно заложили в её основу достаточно туманную архитектуру, чтобы можно было её приспособлять к различным ситуациям (“Неполная пропорциональность” и гибкость Пятой республики // Пролетарский интернационализм. 2023. Февраль. № 101). Пресловутое противоречие, на которое указали исследователи, задумывалось как способ придать гибкости сильно централизованному французским властям.

Тем не менее Гранберг и Паскино обращают внимание на новый аспект, который делает нынешний кризис беспрецедентным. В прошлом «во время периодов *cohabitation*¹» глава государства в отсутствие парламентского большинства была сильно ослаблена, «однако в Парламенте всё равно набиралось большинство, даже если и противостоящее президенту». Сегодня же большинство не набралось, а избрание Эмманюэля Макрона в 2017 году положило конец «доминированию дуализма левых/правых правительственных партий и породило новую систему партий, которая после переизбрания Макрона в 2022 году стала трёхпартийной, построенной на существовании центра и двух краёв».

Парламентский кризис вокруг пенсионной реформы ещё раз показал малую склонность политических сил к компромиссу в стране, политическая культура которой – «это культура конфликта, в моменты глубокого кризиса страны часто сопровождающаяся призывами к “спасителю”». И Макрон, и оппозиционные партии не воспримут парламентскую культуру: последние – в надежде, что «желаемое возвращение разделения на левых и правых освободит их от этого, в то время как первый считает, что как раз ослабление этого противопоставления позволит ему этого не делать».

Евроскептическая радикализация

В этой ситуации председатель партии “Республиканцы” (LR) Эрик Сьотти, председатель парламентской группы Оливье Марлейкс и председатель группы в Сенате Брюно Ретайо представили два проекта иммиграционных законов. Они выступают за реформу конституции, которая позволит вынести на референдум проблему мигрантов и отказаться от верховенства европейского права в моменты, когда на кону национальные интересы.

К этому можно добавить и интервью *Le Point* близкого к Сьотти бывшего председателя партии и губернатора региона Овернь-Рон-Альп Лорана Вокьеца, возможного кандидата на президентских выборах 2027 года. Со страниц газеты лионский барон Вокьез нападает на независимые суды, Государственный совет, Европейский суд по правам человека и Суд Европейского совета.

Газеты *Le Monde* и *Les Echos* усматривают в его предложениях прямую атаку на правовое государство. Консервативная газета *Le Figaro* рассматривает инициативу LR в положительном ключе, полагая, что она может придать импульс правовым силам, Европеекский суд по правам человека и Суд Европейского совета.

Триангуляция

По мнению *Le Monde*, происходящее изменение связано с «глубоким сдвигом на правом фланге», о котором Ретайо давно теоретизирует, утверждая, что «правовое государство и демократия столкнулись друг с другом». Газета обращает внимание, что в 2021 году во время праймериз LR даже Мишель Барнье, бывший европейский комиссар и бывший глава европейских переговорщиков по брекситу, предложил поднять «конституционный щит», чтобы закрепить своё предложение установить запрет на иммиграцию.

Покуда традиционная правая борется с риском оказаться на обочине, Национальное объединение (НО) наблюдает за «идеологической пробуксовкой французской правой с нескрываемым удовлетворением» в надежде, что избиратели предпочтут копию оригиналу.

Le Monde вспоминает, что на президентских выборах 2007 года Николя Саркози сумел поглотить голоса Жан-Мари Ле Пена, отчасти переняв его риторику. Однако тогда лидер правой «был символом и опирался на могущественную партию СНД [Союз за народное движение], противостоя Национальному фронту, снова “демонизированного” после шока 21 апреля 2002 года», когда Ле Пен впервые прошёл во второй тур президентских вы-

боров. Саркози смог также поставить на невозможность для НФ прийти к власти, «чтобы привлечь важные голоса избирателей, враждебных к иммиграции». «[Сегодня] политическая панорама отражает перевернутую картину: правая партия LR находится в постоянном экзистенциальном кризисе после избрания Эмманюэля Макрона в 2014 году, а крайне правая во главе с Марин Ле Пен продолжает набирать популярность». С точки зрения газеты, «имитация LR предложений НО» рискует «сделать легионистский дискурс обыденностью».

Европейские выборы – 2024

Эти изменения происходят в контексте восхождения крайне правых партий в Европе – в Италии, Испании, Швеции и Финляндии – и подготовки европейских выборов, назначенных на июнь 2024 года. В упомянутых странах правая и крайне правая соперничают друг с другом, но сотрудничают в локальных и национальных правительствах. Во Франции на данный момент LR и НО не сотрудничают, а попытка партии Эрика Земмура “Реконкиста” объединить правых провалилась на последних президентских выборах.

Напомним: хотя на последних коммунальных и региональных выборах LR и выстояла перед дуализмом Макрон – Ле Пен, партия проиграла на национальных выборах, будь то европейские или президентские, где она оказалась далеко в хвосте крайне правых.

В другой статье, опубликованной на сайте *Telos*, Гранберг, Паскино и экономист Эли Коан утверждают, что политическая линия LR по вопросу иммиграции «толкает их дискурс в сторону неприемлемых для Франции позиций, таких как венгерская или польская, или, что ещё хуже, в сторону выхода из ЕС по образцу катастрофического брексита»; «из-за такой риторики LR падает в глаза её немецких партнёров из ХДС внутри Европейской народной партии».

Каков расчёт LR? «Участствовать в коалиционном правительстве большинства с НО после ближайших выборов?». Авторы в этом не уверены, поскольку «ни НО, ни LR ещё не продемонстрировали желания достичь соглашения и тем более вместе выбратьное поведение партии. Франция «как и Италия не может противопоставить себя ЕС», – а мы наблюдали, как «после прихода к власти в стране [произошёл] радикальный политический поворот премьер-министра Джорджи Мелони, которая долгие годы была ярким врагом ЕС».

Партия LR понимает, что её политика мыслима, только «если с самого начала договариваться об оговорке opt-out, как сделала, например, Дания». «Только ставя под сомнения договоры» Евросоюза, Франция может «уклониться от общих политик, на которые она добровольно согласилась». Следовательно, LR должна была бы спровоцировать европейский кризис, который оставил бы под сомнение членство Франции в ЕС.

Ещё добавим, что проблема изменения политических линий на правой фланге в новом политическом цикле затрагивает все страны континента. Навредит ли эта совранистская радикализация правой процессу централизации европейского империализма, или, наоборот, речь идёт скорее о новых политических цветах вынашиваемого европейского совранизма?

Евросовместимость

Эти вопросы остаются открытыми, а поиск ответа на них может начаться в новом созыве Европейского парламента, где вероятно или сближение ЕНП с крайне правыми группами, такими как “Европейские консерваторы и реформисты” (ECR) и “Идентичность и демократия” (ID), или преследование или укрепление прежней линии “санитарного кордона” вокруг крайне правых.

По этому поводу *Le Monde* выдвигает гипотезу: выход крайне правой партии “Истинные финны” из группы ID с целью объединиться с ECR в тот самый момент, когда в Хельсинки шли переговоры о формировании правительства с консерваторами, демонстрирует, что между совранистскими партиями есть свои различия. ID скорее выступает как “голос народа”, выражение «оппозиционного популизма», а ECR представляет путь к своему роду «правительственному популизму». Помимо этих частных форм особенно важно наблюдать за происходящими движениями и изменениями. Когда совранисты меняют ориентацию, как в случае Джорджией Мелони, они показывают дорогу своим европейским подельникам/единомышленникам.

Тем не менее, как пишет парижская газета, остаётся загвоздка: в отличие от “Братьев Италии” немецкая АдГ и французское НО настроены как минимум на переговоры с Кремлём по поводу украинского кризиса. Поэтому, хотя НО «сильно во Франции» и возглавляет опросы общественного мнения перед грядущими европейскими выборами, оно «ослаблено в Европе», а её перспектива «буксировать сильную группу евроскептиков никогда не казалась столь отдалённой».

На национальном уровне все эти спекуляции о будущем правых партий связываются с перспективой конца президентства Макрона в 2027 году и, значит, с вероятностью новой фазы политической перекомпоновки.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

1 – “Сожительство” – периоды в политической жизни Франции, когда президент не обладал в Парламенте большинством и кресло премьер-министра занимал представитель другой партии, что приводило к политико-институциональным препятствиям.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт, биографический справочник, 9 иллюстраций по тексту.

ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Страх упадка во Франции

Городские беспорядки и мародёрство сотрясали Францию в течение нескольких ночей в июне и июле после гибели молодого человека, убитого полицейскими во время контроля дорожного движения в Нантере. Катализатором эмоциональной волны, как и в случае с убийством Джорджа Флойда в США, послужила видеозапись этого события.

Политическая перегруппировка?

Такие беспорядки, как правило, не имеют конкретного политического оформления, за исключением «марша бёров» [французской молодёжи маргрибского происхождения] в 1983 году, который был использован Социалистической партией. Но подобные события используются всеми буржуазными партиями в их борьбе. Перспектива новой политической перегруппировки во Франции по окончании второго пятилетнего срока Макрона делает ситуацию ещё более неопределённой, чем она уже была раньше, поскольку президент не сможет быть переизбран снова.

Страх перед социальным упадком широко распространён в обществе и подпитывает предвыборную демагогию как слева, так и справа. В то время как правительство пытается применить тактику «чего бы это ни стоило», т. е. представить себя партией закона и порядка, но в то же время осуждая полицейского, совершившего преступление, парламентские правые продолжают ксенофобские кампании, а левые разделены между вопросами «закона и порядка» и критикой Министерства внутренних дел. На заднем плане выгоды из этого эпизода надеется незаметно извлечь Марин Ле Пен.

Слабое участие

Газета *Le Monde*, являющаяся этапом настроений французского истеблишмента, пишет, что «на протяжении как минимум пяти десятилетий Франция регулярно задыхается от насилия после гибели молодого человека арабского или африканского происхождения в столкновении с полицией». Опираясь на мифологию национального эгалитаризма, газета утверждает, что это «вызывает много вопросов относительно нашей неспособности ликвидировать гетто, выполнить республиканские обещания о равенстве и гражданстве независимо от происхождения и приветствовать иммиграцию».

Подчеркнём, что в количественном отношении участников беспорядков было очень мало: по разным оценкам, от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч. Естественно, события дали СМИ и информационным каналам возможность повысить свои рейтинги. Как мы видим на примере каждой социальной «лихорадки», эффект увеличения стекла, создаваемый такой мобилизацией, полностью заполняет политическое пространство и искажает реальный масштаб явления.

Социальная мобильность

По случаю последних беспорядков 2005 года в статье «Континентальные координаты французского кризиса» (Бюллетень «Интернационалист», январь 2006 г.) мы писали, что суть вопроса парижских пригородов заключается не столько в «социальном плане вторичных» явлениях городского насилия, сколько в массах «мигрантов, которые постепенно вовлекает в себя континентальный метаболизм». Актуальной

социальной особенностью является старение населения в Европе, что заставляет европейский империализм привлекать и эксплуатировать молодой пролетариат из числа иммигрантов или их потомков, которые зачастую составляют слои нашего класса с самыми низкими доходами. Расовый вопрос приобретает доминирующий классовый оттенок и становится частью европейской реструктуризации.

Для решения этого вопроса в той статье мы использовали понятие *изменение в общественной экономической формации*: «Что касается миграции, марксизму известно, что она напрямую связана с наличием классов и классовой стратификации. Марксизм, изучая миграцию, исходит из анализа мирового рынка рабочей силы, процессов расслоения крестьянства и пролетаризации, динамики относительного перенаселения, возникновения резервной промышленной армии и динамики социальной стратификации пролетариата».

В 2005 году мы отмечали: несмотря на то, что социальное положение мигрантов хуже среднестатистического по Франции, улучшение условий жизни и доходов остаётся преобладающим явлением даже в самых бедных районах. Это позволяет поддерживать социальную пассивность и даже достигать определённого политического консенсуса. Современная статистика показывает, что эта логика по-прежнему актуальна.

Обратим внимание на интересный аспект, который ставит проблему расовой дискриминации и восхождения по социальной лестнице в классовые рамки. В исследовании France Stratégie анализируется влияние четырёх факторов на разницу в трудовых доходах в разрезе «социального происхождения (скромное, промежуточное, привилегированное), пола, территории, где человек растёт (город или сельская местность, пригород, критический городской район), и миграционного происхождения (наличие хотя бы одного родителя-иммигранта из Африки или другого континента)». Газета *La Croix*, комментируя результаты этого исследования, отмечает, что, с точки зрения «неравенства возможностей», «социальное происхождение имеет гораздо большее значение, чем миграционные корни». Разница в доходах при работе в равных условиях «между людьми привилегированного происхождения и людьми скромного происхождения составляет в среднем 1100 евро, а между людьми без иностранного происхождения и людьми «с африканскими миграционными корнями» – 150 евро»: «Таким образом, социальное происхождение в семь раз важнее, чем этническое происхождение».

Отменённый визит

Несмотря на второстепенное социальное значение беспорядков, их последствия в рамках нестабильной политической ситуации отразились на дипломатии: президент Франции был вынужден отменить запланированный государственный визит в Германию, который должен был символизировать сближение Парижа и Берлина по вопросу расширения и углубления ЕС.

Жан-Доминик Мерше в либеральной газете *L'Opinion* напоминает, что из-за беспорядков Эммануэлю Макрону «уже пришлось срочно вернуться из Брюсселя», что «прервало его участие в Европейском совете». Журналист утверждает, что «во Франции внутренняя политика, похо-

же, является главным слабым местом внешней политики Макрона». И снова: «Мы уже видели подобное в марте прошлого года, когда Елисейский дворец был вынужден отказаться [...] от приёма английского короля Карла III, поскольку не мог гарантировать его безопасность». В то время страну потрясла пенсионная реформа. По мнению Мерше, демонстрация слабых мест может привести к размыванию европейских проектов Парижа, особенно совместных с Германией, где «по отношению к нам существует постоянная настороженность: «Франция приносит идеи и ожидает, что Германия принесёт деньги»».

В свою очередь, *Le Monde* отмечает, что за французскими событиями внимательно следят в Европе. В Берлине обеспокоены именно «политическими последствиями». Газета цитирует *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: «Марин Ле Пен и Эрик Земмур чувствуют, что не ошиблись в своих зловещих пророчествах о культурной войне».

Нам представляется, что наиболее важным является именно этот вопрос: помимо протокольного аспекта отмены визитов, который интересен в политическом смысле, но не имеет решающего значения, распространяется представление, что одна из опор рейнской оси может пошатнуться и что накопление социальных и политических кризисов в конечном счёте сыграет на руку какой-либо из соврационалистских организаций.

Матрёшка упадка

Такая точка зрения связана с французским страхом стратегического упадка. Страх подпитывается возможностью кошмарного сценария, который в глобальном контексте атлантического упадка будет означать ослабление Европы по отношению к США, а также ослабление Франции в рамках ЕС. Столкнувшись с Германией и её амбициями «геополитического пробуждения», Париж также опасается потерять статус политической и военной столицы континента, а также организатора европейского объединения.

Два комментария очерчивают эти французские опасения. Первый, на страницах *Le Monde*, принадлежит Алену Фрашону. По мнению автора, на саммите НАТО в Вильнюсе «европейские союзники» оказались «в положении вассалов». В результате «разрыв в силе между двумя опорами атлантического альянса увеличивается» в ущерб европейцам. По мнению Фрашона, «у нас всё ещё нет европейского технологического гиганта», а евро теряет позиции по отношению к доллару. Что касается военной сферы, то с 2008 по 2021 год США увеличили свои ежегодные расходы на оборону с 685 до 801 млрд долл. по сравнению с увеличением с 303 до 325 млрд долл. в ЕС и Великобритании. Автор также подчёркивает отсутствие у континента политической централизации и географическую разбросанность его военной промышленности.

Добавим к этим рассуждениям Фрашона демографический вопрос. В то время как прогноз численности населения Европы колеблется между стагнацией или, что более вероятно, сокращением, в США население продолжает расти: в настоящее время в стране проживает 330 млн человек против 280 млн в 2000 г.

Экономист Жильбер Сетт, к мнению которого Макрон, по всей видимости, прислушивается и от которого зависят

общие направления экономической политики исполнительной власти, опубликовал на сайте Telos статью, где излагаются цели реформ текущего правительства.

Европа отстаёт от США: её ВВП на душу населения ниже. Если принять 2019 год за базовый (до начала Covid-19), то разрыв с США составит 28 % для Франции, 16 % для Германии, 35 % для Италии, 37 % для Испании и 10 % для Нидерландов. По его мнению, такой разрыв можно объяснить «сокращением рабочего дня и снижением производительности труда». Кроме того, «это также можно объяснить более низким уровнем занятости населения трудоспособного возраста (с 15 до 64 лет) во Франции, Италии и Испании».

По мнению автора, для преодоления разрыва в производительности труда Европа должна провести глубокие реформы, осуществить которые будет трудно. Ближайшей задачей Франции, чтобы сократить отставание от Германии и северных стран, является повышение уровня занятости за счёт сокращения безработицы и лучшей интеграции молодых и пожилых людей в рынок труда. Это также позволит увеличить налоговые поступления. Следует подчеркнуть, что, как и любая статистика, это политические цифры. Но, как нам представляется, они указывают на то, как значительная часть французского истеблишмента воспринимает соотношение сил между европейскими странами и между двумя берегами Атлантики.

Что касается нас, то в условиях эскалации межимпериалистического противостояния, которое демонстрирует свой разрушительный потенциал в ходе продолжающейся бойни на Украине, и в условиях доминирования правящего класса во всех его формах мы должны утверждать, что единственной альтернативой для освобождения человечества от гнёта, расизма и войны является борьба за бесклассовое общество.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

Ариго Черветто Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей»» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб